

Что привлекло меня в текстах Николая Куценко – это прямоту, отсутствие лицемерия и, определенно, сердечность.

Мария Метлицкая

*Николай
Куценко*

Незнакомка из кофейни

За чужими окнами

Николай Куценко

Незнакомка из кофейни

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куценко Н. В.

Незнакомка из кофейни / Н. В. Куценко — «Эксмо», 2019 — (За чужими окнами)

ISBN 978-5-04-102186-3

Он встретил ее в кафе и понял, что всю жизнь шел к этой встрече. Он объехал много стран, поиск его затянулся настолько, что истаяла сама вера в счастье. Но какие загадки таит в себе незнакомка из кофейни? Так ли она идеальна, чтобы спокойно связать с ней жизнь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102186-3

© Куценко Н. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Рассказы	6
Незнакомка из кофейни	6
Молодость	10
Сдача	14
Лишний вес	17
Две главы	21
Марафонец	25
Прозорливый	28
Спортсмен	34
Скорая помощь	37
Коленки	40
Гепатит	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Куценко

Незнакомка из кофейни

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Куценко Н., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Рассказы

Незнакомка из кофейни

Как давно ему не встречались такие, как она, как давно он ждал этой встречи! Он объехал столько стран, столько городов, столько разных мест, и все тщетно. Поиск его затянулся на годы, а может – и десятилетия. Впрочем, он давно уже не считал и даже смирился с тем, что всегда будет один, что так и не увидит своих детей, что только постаревшая больная мама будет тем человеком, который ждет его из очередной командировки. И остаток его жизни пройдет без нее, без той единственной, так им и не встреченной.

Были ли у него женщины? Конечно, были. Более того, их было много. Но это было совсем иное, не то – случайные попутчицы, стюардессы, такие же командированные, как и он, спешащие вернуться обратно домой, и те, что за деньги – из клубов и баров. Последних было особенно много. Ведь так было проще. Им ничего не надо объяснять, на них не нужно тратить силы и время, свою жизненную энергию, которой с каждым днем остается все меньше и меньше. А ведь он уже не мальчик.

В общем, женщин было достаточно. Но вот настоящей и единственной не было.

Встретил он ее внезапно. Рядом с работой, в районе Охотного Ряда. Просто зашел в одно из соседних кафе, чтобы выпить чаю и съесть кусок «Праги». Иногда он позволял себе сладкого, хотя и следил за фигурой. А сегодня заказчик подписал важный контракт, который прокормит его фирму еще не один год. Так что повод расслабиться был.

Она сидела за соседним столиком, пила апельсиновый фреш через трубочку и читала какую-то книгу. Он мельком оглядел женщину: тонкие запястья с браслетами чуть большего, чем нужно, размера, длинные ноги с тонкими же щиколотками и волнистые волосы, спадающие на плечи.

Женщина приподняла книгу, и он успел увидеть на корешке имя автора: Стивен Кинг. Кинга он не читал, но видел несколько фильмов.

– Интересно? – спросил он, поймав ее взгляд.

– Что, простите? – она прищурилась, разглядывая его, и, кажется, немного смутилась.

– Книга, я имею в виду книгу.

– О да, это Кинг. «Сияние». Захватывает, – она мило улыбнулась. Он разглядел ее слегка неровные зубы. Длинные накрашенные ресницы дрогнули, когда хлопнула входная дверь кафе.

– Я слышал, но не читал. Говорят, что Кинг – отличный писатель.

– Да, это так, – она перелистнула страницу и продолжила читать.

Он сделал глоток чая, отломил ложкой кусочек торта, отправил его в рот.

– А я вот вообще не читаю! – сказал он довольно громко, чтобы она могла его услышать.

– Вот и зря! В книгах – свой мир. Каждого отдельного автора.

– Наверное... Извините, а как вас зовут? – наконец решился он.

– Лика, – протянула она ему руку.

Он, встав, пожал ее ладонь и сразу почувствовал, как озябли ее длинные музыкальные пальцы.

– Виталий, – ответил он. – Вы мерзнете? У вас руки холодные.

– Немного, – она пожала плечами, на которые был наброшен платок, и улыбнулась как-то необычно, по-детски. Так могут улыбаться только совсем еще не испорченные этим миром люди. И так ему еще никто не улыбался. Ему вдруг показалось, что это – ОНА.

Такое уже несколько раз с ним случалось – он чувствовал, что встретил ту самую, долгожданную женщину. Но, осознав это, он пугался словно ребенок и нарочно избегал ее, пока она

не исчезала из его жизни совсем. Потом он до отчаяния винил себя за трусость и малодушие и бежал к своему личному психологу, чтобы тот помог ему найти самому себе оправдание и еще раз объяснил, что все мы не идеальны и каждый имеет право на трусость и испуг. Так было с ним два или три раза. И он уже думал, что больше не повторится. Но вот это случилось снова.

И в этот раз он не испугается, в этот раз он ее не упустит.

– Я часто тут бываю. А вы? – не дождавшись ее ответа, он продолжил: – Может быть, вы дадите мне что-нибудь почитать?

– Вам действительно интересно? – заложив страницу оберткой от конфеты, она закрыла книгу.

– Честное слово!

– Не врите?

– Ну что вы! Даю вам свое слово!

– Может, вы его всем даете? – Она качнулась на стуле и, сведя ладони, громко засмеялась.

– Вы плохо обо мне думаете, это слово бизнесмена! Которое он, кстати, никогда не нарушал! – он поднял вверх указательный палец и помахал им. И тут же схватил ее стул за спинку, чтобы она невзначай не упала.

– Прямо-таки и никогда?! – Она продолжала смеяться.

– Никогда! Даю слово! – Он засмеялся в ответ.

На них смотрели уже едва ли не все посетители кафе. А они только друг на друга. И, казалось, в этот момент никто другой им был не нужен.

Они встречались в кафе каждый день, в обед. Она приносила новые книги, а он рассказывал ей, что успел прочитать. Иногда она даже давала ему свои рассказы, и он уверял ее в том, что они прекрасны.

Через месяц она переехала к нему, через полгода он решил сделать ей предложение – в самом конце своего долгожданного отпуска.

В тот день они были на Бали, пили шампанское в бунгало, валялись на кровати и обсуждали новые книги. Горели крупные свечи, похожие на бутылки с отрезанным горлышком, тонкие языки пламени мерцали во тьме, за окном кричал попугай.

Виталий осторожно достал из сумки маленькую алую коробочку и спросил:

– Лика, может быть, я тороплюсь, может быть, еще очень рано, но я хотел бы задать тебе очень важный для меня вопрос.

– Спрашивай, конечно, хоть сто вопросов, – она сделала глоток шампанского из бокала.

– Я думаю, нам надо перейти к более серьезным отношениям, – он протянул ей коробочку. – Открой ее.

– Там то, что я думаю? – Она зажала коробочку в ладонях, поднесла ее к груди, как что-то очень важное и дорогое для себя. Ее глаза загорелись каким-то неестественным светом, словно часть ее души приблизилась к их оболочке. От неожиданности Виталий вздрогнул. Нет, он не испугался. Он просто никогда не видел такого прежде. Чтобы глаза человека так преобразались.

– Да, там кольцо.

Она подержала коробочку у груди еще какое-то время, потом, так и не открыв, положила на кровать:

– Ты должен знать обо мне одну вещь, прежде чем я приму это кольцо.

– Лика, мне не важно, можешь не говорить. Твое прошлое меня не интересует. Я люблю тебя!

Он произнес эти слова впервые, случайно, незапланированно. И так, что сам их напугался.

– Я люблю тебя, – повторил он и поцеловал ее в солоноватые влажные губы. – Я хочу, чтобы мы были вместе до конца дней своих. Чтобы у нас были дети.

– Но, Виталий, ты многого не знаешь еще...

– Ли́ка, я и знать этого не хочу. Что бы там ни было, я клянусь тебе, это не изменит моего решения. Если хочешь, даю тебе слово бизнесмена, – говорил он возбужденно, целуя ее лицо. – Я люблю тебя, Ли́ка.

– Виталий, я серьезно больна.

– В каком смысле? – насторожился он.

– У меня шизофрения. Сейчас просто ремиссия. А так...

– Так что? – Он глупо улыбнулся, отстраняясь. – Так ты слышишь голоса?

– Да, так я слышу голоса. Все верно. Поэтому я нигде не работаю. Поэтому у меня до сих пор нет детей.

Он налил в бокал шампанского до самого края и, выпив безо всякого тоста, спросил:

– Это же лечится, я надеюсь?

– Нет... – и она тут же зарыдала, закрывая лицо ладонями. На кровать упало несколько слезинок.

Он погладил Ли́ку по голове, словно сочувствуя, взял с тумбочки сигарету, прикурил и вышел из бунгало.

Когда они приехали в Москву, он первым делом записался к своему психологу – долго-вязому, короткостриженому мужчине с восточным типом лица и редким именем Иннокентий. Это был опытный психолог, с несколькими образованиями и множеством наград, и, конечно, очень недешевый. Он часто помогал Виталию в решении жизненных неурядиц – давал ценные советы, помогал разобраться в ситуации. Вот и сегодня Виталий надеялся на его помощь, понимая, что, возможно, это будет самый важный визит к психологу в его жизни.

Иннокентий сидел в просторном кожаном кресле перед низким овальным столиком, отделявшим его от пациента. Свет был слегка приглушен, располагая к продолжительной доверительной беседе. За дверью работала кофемашина.

– Нас там не слышат? – поинтересовался Виталий, кивнув на дверь.

– Абсолютно, – Иннокентий поднял вверх обе ладони. – Как ваш отпуск? Отдохнули?

– Да, все хорошо. Мы с Ликой вчера вернулись. Она пока к себе уехала, а я к вам...

– Что-то случилось? Вы же, по-моему, хотели сделать ей предложение?

– Да, и почти сделал, доктор. Но... именно почти.

– Не понимаю, – Иннокентий взял со стола ручку, прикусил колпачок, перекинул ногу на ногу.

– У нее шизофрения! Представляете, шизофрения!

– Ах... надо же, – доктор поправил очки, задумчиво посмотрел в сторону двери. – Что ж... бывает.

– Это все ужасно, доктор, – Виталий провел по глазам тыльной стороной ладони, шмыгнул носом.

– Да?

– Думаю, да. Она больной человек. Не сможет иметь детей. А я ведь ей даже в любви признался, – глаза Виталия уставились в столик, а потом забежали в разные стороны. – Я ведь и правда ее почти любил. А может, и любил. Даже и не знаю теперь. Диагноз ее все планы спутал.

– Ну детей она иметь может, в этом ограничений нет. С чего вы взяли, что у нее проблемы?

– Я почитал в интернете, доктор. Эта болезнь может от матери к детям перейти. Сами понимаете, риск огромный. Зачем все это?

– Но ведь может и не перейти? Хотя риск, конечно, есть.

– Все равно. Это огромный риск. Я как бизнесмен, как человек дела...

– Что вы намерены делать? – спокойно спросил Иннокентий, аккуратно делая запись в своем блокноте.

– Пока мы решили пожить отдельно. Я попросил ее переехать к себе. Она все поняла. Да – она не глупая, она столько читает, доктор.

– А дальше?

Виталий встал и заходил по комнате, что-то нашептывая себе под нос и растирая ладони друг о друга. Лицо его скривилось, губы мелко задрожали. Казалось, он сейчас заплачет.

– Ну сядьте уже... Это не решит вашей проблемы. Решили ее бросить – бросайте. Она, я думаю, была готова к этому.

– Да-да, доктор, она готова. Даже кольцо не взяла. Она все понимает, она... Она – настоящая женщина.

– А что вы хотите от меня? – Доктор зевнул, потер пальцами подбородок и посмотрел на часы.

– Понимаете, я ей слово свое дал. Клятву, что ли... Что не брошу ее. Сам сдуру ляпнул, она и не просила.

– А сейчас не знаете, как эту клятву нарушить?

– Да, не знаю. Я человек дела. И не могу нарушить слова. Понимаете?

– Хорошо понимаю. Я помогу вам разобраться в этой ситуации.

– Спасибо, доктор, – Виталий улыбнулся, но вцепился пальцами в столешницу.

– Представьте, что вы сдержите слово и женитесь на ней... Ляжете как-нибудь с ней спать, а ее голоса прикажут ей вас, – он сделал паузу, задумался, – зарезать. И она их послушает. У нее же бывают голоса?

– Да, бывают. Сейчас просто нет, а так да, бывают.

– Ремиссия просто сейчас. Но это не вечно.

– Хорошо...

– Ничего, кстати, хорошего. Ваш выбор: либо сдержать слово и быть убитым, либо его нарушить и остаться жить. Что выбираете?

– Очевидно – жизнь.

– Вот и все. У вас выбор между плохим и очень плохим. Так что, думаю, словом можно пожертвовать в этой ситуации. Вы его дали, не зная про ее болезнь.

– Спасибо, доктор. Вы... вы просто гений. Это так все объясняет...

– Это объясняет только то, что слово – всего лишь слово. И не более. Но Лика – живой человек, которого вы так долго искали и наконец-то нашли. Может быть, все-таки...

– У нее шизофрения! Это риск, доктор, огромный риск!

– Хорошо. Дело ваше.

– Спасибо, доктор! Вы помогли мне!

– Сомневаюсь, – доктор посмотрел в окно, видимо, думая о чем-то своем.

Он встретил ее через несколько лет в Амстердаме. Она шла по Рембрандтплейн с высоким стройным мужчиной. Тот держал за руку маленькую девочку, очень похожую на Лику. Мужчина о чем-то говорил, показывая на старинные здания. Лика иногда хмурилась, а потом смеялась, наклоняясь к дочери и целуя ее в макушку.

Проводив их взглядом, Виталий вытащил из кармана карту города и пошел в сторону Красного квартала, где обретались проститутки.

Молодость

Дверь скрипнула, и в бар вошел высокий человек в фетровой ковбойской шляпе с загнутыми краями. Он был худ, статен и одет в длинный плащ асфальтового цвета. Ухоженное лицо с несколькими неглубокими морщинами, седые, ровно выбритые виски и желтоватая сухая кожа на руках говорили, что ему около пятидесяти или немногим больше того. В одной руке он держал дипломат из крокодиловой кожи с оливковым оттенком.

Человек снял шляпу, пригладил редкие волосы и, прокашлявшись в кулак, осмотрелся по сторонам. Перед собой он увидел лишь старую, потертую мебель бара, особо ничем не примечательную. Стойка бара освещалась кованой люстрой, висящей на цепи, вдетой в металлическое кольцо, торчащее из потолка. Люстра была явно больше, чем требовали размеры бара. Человек оглядел ее, поморщился, затем подошел и ударил по ней рукой. Раздался звон. На пол упало несколько осколков стекла. Человек сделал шаг в сторону.

– Джек, ты когда уберешь эту убогую люстру?! – закричал он, схватившись за расцарапанное запястье. – Я себе чуть руку об нее не сломал. Черт бы ее побрал.

Откуда-то из-за стойки бара послышался шум. Кто-то захрипел, закашлялся и зашевелился. Застучали каблуки. Наконец человек увидел перед собой немолодого грузного мужчину с одутловатым лицом, заросшим щетиной, одетого в кожаную куртку с металлическими заклепками. Длинные немытые волосы свисали ему на плечи. Он достал два стакана и плеснул в них виски.

– Неважно выглядишь, Джек, – продолжил человек и взял стакан.

– Рич, ты просто не вовремя пришел, – Джек отпил из своего стакана. – Хотя ты знаешь, дружище, я всегда тебе рад.

Они поставили стаканы на стойку и, перегнувшись через нее, приобнялись, похлопав друг друга ладонями по плечам.

– Пил вчера? – улыбнувшись, спросил Рич.

– Немного, ребята заходили из группы, вспомнили старое.

– Из той самой? – Рич явно удивился и потрогал кончиками пальцев подбородок.

– Да, той самой. И Ирма была с ними...

– Она до сих пор с Аленом?

– Да, с того момента, как мы развелись.

– Скучаешь? – Глаза Рича посмотрели вниз и вбок. Он взял бутылку и долил в стаканы виски.

– Бывает, ну это в прошлом. Как ты, Рич? Сколько же мы не виделись?

– Год или немногим больше!

– Да уж, как быстро идет время.

– Смотри лучше сюда, старик!

Рич поднял с пола дипломат, открыл его и достал увесистую папку. Расшнуровав ее, вытащил несколько листов, протянул их Джеку.

– Что это, Рич?

– Это бумаги, Джек! Чертовы бумаги о собственности.

– Какой еще собственности?

– Моей собственности! Казино в Лас-Вегасе. Я хорошо вложился, когда продал тебе свою часть бара. И это еще не все, – Рич стал перелистывать в папке бумаги. Они громко шуршали.

– Ты наконец-то стал богат, Рич? – Джек поднял брови, возле уголков его глаз появились мелкие морщины.

– Ты не представляешь даже, насколько, Джек!

– Рад за тебя, дружище! Ты это заслужил.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, словно что-то вспоминая. Затем Джек кивнул в сторону бутылки виски и плеснул ее содержимое в стаканы. Выставил на стойку бара тарелку с орехами.

– Рич, боюсь, что только уже слишком поздно и все эти деньги ни к чему, черт бы их побрал.

– Почему? – нахмурился Рич.

– Мы с тобой слишком стары, Рич. Нам уже недолго осталось. Кстати, в прошлом году Стив ушел.

– Это наш басист? Из первого состава?

– Он самый. Красавчик Стив!

– А что с ним?

– Печень. Цирроз. Он так и не смог остановиться.

– Жалко, я помню, как он играл. Было неплохо.

– Поэтому эти деньги уже лишнее...

Рич собрал бумаги со стойки и спрятал их в папку. Расстегнул верхнюю пуговицу рубахи. Мелькнул нательный крест.

– Джек, я объездил Вегас вдоль и поперек. При желании там можно купить все, что хочешь. Были бы только деньги...

– И что же ты хочешь купить, Рич? – Джек опустил подбородок, под которым взбугрились складки кожи. – Женщин, машины, дома?

Рич задумался. Вытащил сигарету и закурил. Посмотрел вверх. Люстра все еще покачивалась.

– Джек, когда ты выкинешь эту люстру? Она сюда явно не идет. Смотри, какая она гигантская.

– Рич, я не хочу обсуждать эту тему. Люстра досталась мне от бабки. А та уже давно умерла. В общем – это подарок.

– Но она же такая уродливая, – Рич подпрыгнул и попытался ухватить люстру за край. Но та только шатнулась в сторону.

– Хватит, Рич, оставь ее в покое... Так что ты хочешь купить? Ты так и не ответил!

– Молодость! Я куплю молодость, Джек!

Джек, схватившись за ремень растянутых джинсов, громко рассмеялся. Рич увидел, как трясется его огромный живот, а во рту торчит несколько гнилых зубов.

– Ты не шутишь, Рич? Может, мне слышалось? Ты сказал – молодость?

– Именно! Молодость! Ты увидишь, как я это сделаю! Клянусь богом!

– Большой глупости я, пожалуй, и не слышал, Рич!

– Заткнись, Джек, – лицо Рича стало наливаясь кровью, – лучше молчи!

– Рич, ты, видимо, немного спятил в своем Вегасе! Ты хочешь купить то, что не продается! Это же просто невозможно!

– Возможно! – Рич ударил кулаком по стойке бара. Один из стаканов упал, и из него вытекли остатки виски. – Я докажу тебе! Старая ты дубина!

Джек вдруг перестал смеяться. Лицо его стало мрачным, а глаза посмотрели на друга с жалостью.

– Жалко мне тебя, Рич, я не думал, что деньги сведут тебя с ума. Нам всем отпущено сверху. И каждому свое! Ты это хорошо знаешь, дружище!

– Ерунда! Это все твое невежество! Глупая ты деревенщина!

– Ты можешь обмануть меня, Рич! Но ты не обманешь смерть!

– Спорим? – Рич тяжело задышал и смахнул со лба пот.

– На что ты хочешь спорить, Рич?

– Я докажу тебе! Я стану молодым!

– А что должен я в этом случае? – Джек взял тряпку и стал протирать стойку бара там, где разлилось виски.

– Ты выкинешь эту чертову старую люстру! Или я сам ее выкину!

– По рукам!

Прошло два года.

Дверь скрипнула, и в бар вошел высокий человек, одетый в модную спортивную куртку с двумя красными буквами на правом кармане, видимо, обозначающими название спортивной команды. На голове у него была бейсболка с загнутым козырьком. В руках человек держал светлую спортивную сумку из джинсовой ткани. Он поставил ее на пол и ударил рукой по люстре, висевшей над стойкой. Раздался звон. Люстра зашаталась, а на пол упало несколько осколков стекла.

– Джек, дубина, просыпайся! Это я – Рич!

Из-за стойки бара слышались звуки, словно кто-то пытается встать на ноги, но не может. Затем раздался стук каблуков. К стойке бара, вытирая рукавом кожаной куртки глаза, подошел человек. В руке его была наполовину пустая бутылка виски. Он поставил ее на стойку и снял с полки два стакана. Налил в них виски.

– Рич, неужели ты? – Джек положил на стойку пачку сигарет.

– Я, дружище! Не узнал? – Рич улыбнулся, показав свои идеально белые зубы.

– Ну... ты даешь! – Джек протянул ему стакан.

– Мне не нужно, я не пью, дружище!

– И давно?

– Уже два года, с того дня, как мы поспорили! Ты не представляешь, какая же дрянь этот алкоголь!

– Да ты мальчик, даже седина ушла. Не ожидал.

– Я пересадил себе волосы из головы одного испанца. Ты не представляешь, во сколько мне обошлась эта шевелюра.

– Да, сейчас это делают. Я слышал.

– Каждая луковица по сотке баксов!

– Да уж... страшно даже представить.

– Но самой дорогой была печень. Мне ее достали мексиканцы из Нью-Йорка. Там у них целая система налажена.

– Не верю своим ушам, – Джек серьезно отхлебнул из стакана.

– А сердце?! – усмехнулся Рич. – Если бы все сердца столько стоили, как мое! Пришлось доставлять контейнером из Южной Африки!

– Господи! – Джек прикусил кончик указательного пальца.

– И это далеко не все, дружище! Самым интересным звеном тут были почки!

– Постой, Рич, ты все это серьезно? – Джек протянул другу сигарету.

– Убери! Я не курю! Эта дрянь еще хуже алкоголя! У меня теперь организм на двадцать лет моложе, чем был, Джек!

Джек тяжело вздохнул, вылил остатки виски из бутылки в свой стакан и разом все выпил.

– Боже милостивый. Надеюсь, что это сон! – Джек глубоко затянулся и выдохнул густую струю дыма. – Мать честная! Я даже не знаю, что сказать.

– А знаешь, с какими девушками я стал спать? Нас такие и в молодости стороной обходили! А сейчас – отбоя нет.

– Рич, ты свихнулся! Ей-богу – ты сошел с ума!

– Я понимаю, как ты удивлен, старина. А ты говорил – не обманешь смерть! Когда у тебя такие бабки, а главное – стремление, ты кого хочешь обманешь! Так что ты проиграл! – Джек поднял глаза и сурово посмотрел на люстру.

– Проиграл, но ты свихнулся, брат!

– Ты просто завидуешь, дружище! Просто завидуешь...

Внезапно Рич поднял голову, присел и, подпрыгнув, что было сил ударил по люстре. Она зашаталась с новой силой. Дощатый потолок заскрипел.

– А тебя я сейчас сниму, малышка! Хватит тут посетителей распугивать! – Рич снова крепко стоял на ногах. – У тебя есть лестница, Джек?

– Осторожно! Рич! – закричал Джек, увидев, как вырывается из потолка чугунное кольцо.

– Да я ее со стула сни...

Не успел он договорить, как люстра накрыла его, расколов ему голову на две части.

Джек стоял ошоломленный и смотрел, как тело друга бьется на полу в конвульсиях, а вокруг расплывается лужа крови. Затем он подошел к телефону и набрал номер «Скорой помощи».

Сдача

Он вышел из номера, осмотрелся, постоял несколько секунд в коридоре и, лишь убедившись, что за ним никто не следит, махнул рукой в пустоту комнаты. Раздался стук каблучков. Из номера вышла эффектная блондинка в зауженном зеленом платье, подчеркивающим ее объемные бедра. От крупной перламутровой броши, висевшей на ее груди, отразился свет коридорной люстры. Блондинка выглядела растеряннo – она тоже посмотрела по сторонам, но затем привстала на цыпочки и игриво укусила его за мочку уха. От неожиданности он резко отстранился.

– Все было замечательно, – она достала из сумки гигиеническую помаду и подвела губы, – просто отлично.

– Да, я, в общем... – неуверенно промямлил он, одновременно приобнимая блондинку за талию и подталкивая ее вперед, – тоже хорошо.

– Когда мы теперь встретимся? – Она волнительно покусывала нижнюю губу.

– Не знаю, созвонимся. Ну... Или сплoчимся.

– Буду ждать! – Она обернулась к нему, поцеловала в щеку и добавила: – Очень...

– Я напишу, – он нервно оглянулся по сторонам.

Блондинка быстрым шагом направилась к выходу из отеля. Она прошла рядом с ресепшен, даже не глянув в сторону администратора, стоявшего у стойки, застегнула молнию сумки и выбежала на улицу. Любовник проводил ее взглядом, вытащил сигарету и чиркнул зажигалкой.

– Тут не курят, – недовольно буркнул администратор. – Запрещено в здании!

– Ах да, извините. Устал просто...

– Ничего, бывает, – смягчился тот.

– Спасибо, – ответил молодой мужчина и направился к выходу.

Администратор же засуетился, несколько раз нажал на кнопку мышки, внимательно разглядывая монитор. Затем добавил ему вслед:

– А сдачу?

– Что? – не понял мужчина, оглянувшись.

– Вы сдачу не взяли за номер. Двести рублей...

Мужчина ничего не ответил, лишь на прощание махнул администратору рукой, развернулся и вышел из отеля.

Вечером дома он пил коньяк, закусывая его лимоном. Раздался звонок телефона.

– Слушаю! – ответил мужчина.

– Вы сдачу забыли... – сказал незнакомый голос, – в отеле у нас. Двести рублей.

– Ах да. Да бог с ней...

– Ну тогда при случае...

– При случае... – машинально отозвался мужчина и положил трубку. Затем плеснул себе коньяка, подошел к окну и отодвинул штору. Посмотрел на улицу. Серые бесформенные облака полностью закрыли солнце, шел дождь. Мужчина сделал серьезный глоток коньяка и заел его лимоном.

Прошло полгода. Наконец-то она ответила. Та, особенная – невысокая, худая, с каштановыми выющимися волосами и длинными музыкальными пальцами. Он пригласил ее на обед. В испанский ресторан. Там он чувствовал себя комфортно.

– Я соскучился... – начал он. – Я правда очень соскучился.

Она достала из пачки длинную ментоловую сигарету и прикурила от маленькой зажигалки.

– Перестань... – она выдохнула дым тонкой струйкой. – Мы уже обсуждали это...

– Да что обсуждали?! – вспыхнул он. – Что обсуждали-то?!

– То, что мы – друзья! – она стряхнула пепел, отпила из бокала. На ее тонких губах осталось несколько капель вина.

– Слушай, я люблю тебя! – не выдержал он.

– Да хватит!

– Я действительно очень тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Она вздрогнула. И занервничала. Он заметил, как заколебалось вино в ее бокале.

– Да перестань, прошу тебя... – ее голос стал мягче, вздохи глубже. – Ты же бабник!

– Это все наговоры. Банальные слухи, – нервно отрезал он.

– Я уверена, – прошептала она, – я уверена, что ты такой...

– Я не такой!

– Такой...

– Не такой! Дай мне шанс!

– ...

– Только один шанс!

Она молчала. Но волнение выдавало ее сомнения. Он не мог этим не воспользоваться.

– Только один шанс, – поставил он точку.

Они стали встречаться. Он дарил ей цветы, водил в дорогие рестораны, постоянно звонил и засыпал эсэмэсками. Он нравился ее подругам и даже родителям. А потом он понравился и ей. И ей даже показалось, что она в него влюблена, а все слухи на его счет и в самом деле лишь наговоры людей. Грязные нечестные наговоры. Она знала – он не такой. И вот она решилась, в тот момент, когда он попросил счет после ужина.

– Я с карточки расплачусь, – сказал он официанту и полез за кошельком.

Она колебалась, но не слишком долго:

– Я хочу, чтобы мы остались сегодня вместе, – она опустила глаза, – ночью.

– Поедем ко мне? – аккуратно спросил он, словно боялся ее испугнуть. – Или к тебе?

– Нет. Так еще рано. Лучше что-то другое, – заволновалась она, сцепив руки в замок.

И тут он вспомнил про отель, где встречался с блондинкой. Тот был совсем рядом. Он быстро расплатился, оделся сам, помог одеться ей, и они вышли на улицу. Моросил мелкий дождь. Она достала свой зонт, и они, обнявшись, пошли вдоль дороги.

– Куда мы идем? – растерянно спросила она, прижимаясь к его плечу.

– В отель, тут рядом есть отель, – ответил он, прикуривая сигарету.

– Ты там бывал раньше?

– Нет, просто случайно заметил, когда шел сюда.

– Ты уверен?

– Да.

– Я люблю тебя... – прошептала она.

– И я тебя.

Они зашли в маленький холл отеля. На ресепшен стоял знакомый администратор. В одной руке он держал трубку телефонного аппарата, пальцем другой – накручивал его старомодный диск. Она неспешно расстегнула пуговицы пальто, сняла платок.

«Полгода тут не был, а все как в прошлый раз», – пронеслось у него в голове. Они подошли к ресепшен.

– Здравствуйте, – оживился администратор.

– Здравствуйте, – сухо ответил он и протянул четыре тысячи. – Нам стандартный номер. Прямо сейчас.

– Благодарю, – администратор взял деньги, положил их в тумбочку стола, протянул ключ.

– Спасибо, – он нежно сжал вмиг повлажневшую ладонь своей подруги и повел в сторону номера.

– А сдача? – буркнул в спину администратор.

– Что такое? – оробел он.

– Сдача, двести рублей, – администратор полез в тумбочку, затем нажал на кнопку мыши. – Тут у вас еще с прошлого раза осталось двести рублей.

– К-какие... – голос его задрожал.

– Двести рублей, с прошлого раза. Если я вам дам пятьсот, то у вас будет сотня?

– Чего? – у него закружилась голова.

За его спиной хлопнула дверь. Он успел заметить, что ветер разметал ее прическу, хотел крикнуть ей вслед, но лишь невнятно прохрипел. Хотел побежать за ней, но голова пошла кругом, и ему захотелось присесть.

– Так у вас сотня будет? – не унимался администратор, копаясь в тумбочке стола. – Что молчите?

Он доковылял до кресла у стены, неспешно сел и стал смотреть в окно. Дождь усиливался, тонкими струями скатываясь по стеклу. Почти все прохожие за окном были с зонтами. Собрав остатки сил, он встал, вышел из отеля и побрел вдоль улицы...

Лишний вес

Когда он принимал душ, ему показалось, что живот стал меньше, хотя тот и был таким же круглым и сильно выдающимся вперед. Особенно выпирал пупок. Словно вишенка на торте, он торчал бугром по центру гладкого полного живота.

Михалыч вылез из фирменной керамической ванны, привезенной когда-то из ГДР, встал на плоские стеклянные весы и увидел, что вес его даже увеличился. Примерно на килограмм. Михалыч поморщился, слез с весов, какое-то время постоял и снова решил взвеситься. Цифры быстро добрались до прежней отметки. Весы работали исправно.

«Да черт с вами! Подумаешь, поправился! – Он бросил полотенце на пол, топнул по нему отекающей ступней. – Для мужчины это не так уж важно».

Он лукавил. И хорошо знал об этом. На прошлом медицинском осмотре летчиков врач строго сказал ему – надо худеть. И даже что-то пометил в своем блокноте красной ручкой, обвел фамилию Михалыча кружком и поставил против нее три восклицательных знака.

Михалыч прошел на кухню, открыл холодильник и взял батон вареной колбасы. Глаза его зацепились за пачку обезжиренного творога, купленного на выходных. Он положил на место колбасу, вытащил из холодильника творог, вывалил его в пиалку и залил жидким медом.

«Дрянь, конечно, но что делать, – Михалыч потрогал пальцем крупный мясистый нос. – Так меня из авиации скоро попрут. Да и давление иногда пошаливает. Надо все-таки скинуть кило пять, а лучше – семь».

На холодильнике завибрировала трубка радиотелефона. Звонок заполнил всю кухню. Михалыч ответил:

– Слушаю!

– Михалыч, это Семен, – сказал из трубки голос.

– Привет, Семен, давно не слышались. Что-то стряслось?

– Поговорить бы, Михалыч, тут тема одна появилась интересная.

– Ну так говори, – Михалыч открыл дверцу холодильника, вытащил батон колбасы, бросил его на стол.

– Да нет. Это не телефонный разговор. Дело серьезное. Не минутное!

Свободной рукой Михалыч дотянулся до ножа, несколько раз провел им по краю батона, пытаясь отрезать кусочек. Но колбаса вырвалась из-под лезвия ножа и откатилась в сторону. Ударилась о сахарницу. На стол высыпалась щепотка сахарного песка.

– Вот черт! – выругался Михалыч. – Как специально вот.

– Чего? – не понял Семен.

– Да колбаса эта... По кухне прыгает! В общем, Семен, давай вечером приходи. Потрындим!

– Договорились, – и Семен отключился.

Вечером они пили. Вспоминали, как учились вместе в летном. Михалыч так и остался в авиации – летал правым летчиком. За всю жизнь так и не решился на КВС пойти. Да и не надо, в общем-то, было. Зарплата почти такая же. Ответственность меньше, а карьера? Да что ему эта карьера, когда он раз в неделю в Германию летает? Хоть и правым, но летает. Да и сколько этих КВСов сменилось за его жизнь! А он все на месте, уже лет сорок скоро.

На столе стояла бутылка «Смирновки». Плохую водку Михалыч не пил. Не в его-то годы. Да и заработал он себе это право – пить хорошую водку и есть хорошую колбасу.

Семен когда-то тоже с ним летал. И водку пил. Но уж лет десять как в коммерции. Правда, с переменным успехом. По-разному у Семена шло. Бывало, на «мерсе» к Михалычу приедет, а то денег на продукты в долг клянит. Но, как бы то ни было, Семен был своим. Никогда не подводил Михалыча. Ни в авиации, ни в жизни.

– Я, Михалыч, тут в фирму одну устроился. «Императрица» называется, – Семен явно нервничал, хотя и выпил. Худые руки его подрагивали, когда он подносил к губам стопку.

– И чего? – Михалыч подцепил вилкой опенок, бросил его в рот.

– В общем, серьезные ребята они. Дашь им четыре тыщи – они тебе «Москвич» через месяц, ну или восемь тысяч налом.

Они чокнулись. Переглянулись. Выпили.

– Удваивают прям?

– Ага, – скривился от водки Семен.

– Жулики, может? – Михалыч почесал свою мохнатую руку.

– Да нет, что ты. Там такие люди. Оттуда все, – Семен ткнул в потолок указательным пальцем.

– С самого верха? – прищурился Михалыч.

– С самого верхнего верха. Выше не бывает.

– А от меня что хочешь? – перешел к делу Михалыч. – Чтобы денег занял?

– Не совсем, – Семен разлил по рюмкам водку, – ладно, давай выпьем сначала.

Снова чокнулись. Закусили.

– На мели я сейчас, Михалыч, но могу за твоими денежками там посмотреть.

– Это как? – насупился Михалыч.

– Ну как бы сторожем побыть за небольшой процент. У тебя, я знаю, заначка есть. Так пусть хоть месяц поработает. Не все ей без дела лежать.

Заначка действительно у Михалыча была. И даже не заначка, а серьезные накопления. Такие, что Семен и представить себе не мог. А если б и представил, то, наверно, от удивления дар речи бы потерял.

Копил Михалыч деньги. Всю жизнь копил. Ни на что не тратил. И уж как только супруга померла, то подумал, что можно бы и потратить часть. А то, не ровен час, и он помрет, а деньги так и останутся под паркетом лежать. Пропадут даром.

Но больше всего мучило Михалыча не это. А то, что деньги эти лежали без дела. Ведь вокруг только и говорили о том, как люди свои капиталы в десятки раз увеличивают. И нищие богатыми становятся. А богатые – олигархами. Накопление капитала – так они говорят по телевизору. А у него что? У него уже давно капитал этот есть. Под паркетом спрятан. Да только что с этого? Лежит он там, стоимость свою теряет. Инфляция проклятая его пожирает. А вложить куда – страшно. Ведь обман вокруг сплошной. Один другого кидает. Но Семен не кинет – он человек надежный, проверенный. За него Михалыч поручиться может.

– Ну что, Михалыч, может, на месяц хоть, а?

– Месяц, говоришь? – Михалыч поковырял в ухе пальцем, представил, сколько заработает. Ведь Семен много не попросит. Возьмет пару процентов, и все.

– Да месяцок хоть, – защебетал Семен.

– Да можно на месяцок-то. Что б и не рискнуть! – басовито рассмеялся Михалыч.

– Ну, Михалыч, я знал, что ты не подведешь, – тощий Семен вскочил и чмокнул Михалыча в лысину. Тот широко улыбнулся и почесал живот.

Наутро пошел Михалыч в «Императрицу». Вложил все накопления. На месяц. Решил уж не мелочиться. «А что? Рисковать так рисковать», – думал он, вытаскивая деньги из-под паркета.

Следующий месяц дался Михалычу нелегко. Первую неделю он плохо спал, пил на ночь валокордин. Вторую – переживал поменьше, но тоже засыпал с трудом, хотя уже и без таблеток. А на третью – и вовсе привык.

«Риск – дело благородное» – так успокаивал себя Михалыч.

Но месяц прошел. И позвонил Семен. Счастливый и радостный.

– Михалыч, деньги забирай! – сбиваясь, говорил он. – Все как часы. Ровно в два раза! Как обещали! Я же говорю – люди сверху за ними!

– Ровно в два?! – Михалыч от неожиданности схватил пузырек с валокордином, серьезно отхлебнул. Во рту запершило.

– Ровно в два!

И тут внезапно, не пойми откуда, как гром средь бела дня, пришла Михалычу мысль, почему-то ранее его не посещавшая, а сейчас показавшаяся такой очевидной, простой и понятной. Не успев даже ее хорошенько обдумать, Михалыч выпалил:

– А может, того... – он весь задрожал. – Может, того, еще разок?

– Что разок? – не понял Семен.

– Ну, поставим...

– Что, все? – поразился предложению Семен.

– А что? Гулять так гулять, – он снова отпил валокордина.

– Ну, Михалыч, ну ты даешь! Мужик! – зажужжал в трубку Семен.

– А ты думал? – захорохорился Михалыч. Ему было приятно, что его хвалят.

– Это дело! Тут по-крупному пойдет.

– Ты себе машину поменяешь, а я в Москве квартиру присмотрю. К центру ближе!

– Дело говоришь, Михалыч! Дело!

Прошел еще месяц. И они снова не забрали деньги, а пустили их в новый оборот.

В этот раз Михалыч даже не сомневался. Он все просчитал заранее – полученных денег хватит на квартиру и загородный дом. Сон постепенно тоже налачился. И вскоре Михалыч только тем и занимался, что планировал будущие расходы.

Прошло еще несколько месяцев. Но ничего не изменилось. Напротив, теперь Михалыч уже считал деньки до конца очередного месяца, чтобы скорее приехать в «Императрицу» и вложить деньги еще на один месяц вперед. Заодно Михалыч набрал еще килограммов пять веса, заматерел и перестал здороваться со многими сослуживцами.

«Что мне за дело до них теперь? Я скоро их тут всех с потрохами куплю, а потом продам, по дешевке» – так думал Михалыч, приходя на работу.

Так было, пока однажды вечером не приехал к нему Семен. Он был растерян, напряжен, говорил сбивчиво, зрачки его хаотично бегали. Михалыч понял одно – дела у «Императрицы» плохи.

– В общем, Михалыч, надо деньги вытягивать. Вчера певица эта приезжала, ну как ее...

– Не важно!

– С черного хода зашла, в чемоданах ей отгрузили. Деньжищ-то столько!

– Ну мало ли, забрать решила.

– Да нет, – заикался Семен, – и политик этот. Ну, у Жирика он в партии. Кабан такой щекастый!

– И что с ним?

– Утром был, деньги забирал. «Газелью» вывозили ему!

Михалыч чуял, что дело пошло не так, но и понимал он, что заberi деньги сейчас, не увидит он не только еще одного удвоения, но и потеряет то, что за две недели набежало. А этого было много. Ох как много. Гораздо больше, чем изначально вложил Михалыч. Тут уже не на машины счет с каждой неделей шел, а минимум на квартиры.

– Семен, а может, дотянем? А? – Лицо у Михалыча скривилось, правая скула нервно задергалась.

– Что ты, Михалыч, вытягивать надо. Пока не сгорело все.

– Да что там, две недели всего. Ты себе квартиру в Москве купишь, а я, – тут он подумал и представил всю сумму, – а я остров где-нибудь в Италии. Приезжать ко мне будешь!

– Михалыч, ты не дури, если деньги через черный вход выносят. Ну ты же понимаешь, ты же не глупый мужик-то!

– Да ты всегда был склонен раздувать! – выпалил Михалыч. – Из-за этих нервов тебя, между прочим, из авиации и списали!

– Завтра утром! Приходи завтра утром! Я все подготовлю. Я буду ждать!

– Хорошо...

– Ты обещаешь?

– Да...

– Обещаешь?! – заорал Семен.

– Да!

Но утром Михалыч так и не пришел в офис «Императрицы». Не пришел он и через день. А потом перестал отвечать на звонки – сбрасывал, когда Семен звонил. Входную дверь тоже не открывал.

Через неделю офис «Императрицы» закрылся – мебель вывезли, а дверь опечатали. Еще через неделю под этой самой дверью толпились сотни обманутых вкладчиков, а через месяц – тысячи.

На ближайшем медосмотре Михалыч выглядел бледным и уставшим. Казалось, из него выпили всю жизненную силу, высосали всю энергию, оставив лишь тленную телесную оболочку. Он больше не был полным – живот его странным образом исчез. И когда Михалыч встал на весы, то с весом все оказалось в абсолютной норме.

– Надо же! Минус десять кило с прошлого раза! Спорт? Диета? Или что? – спросил удивленный доктор.

Михалыч не ответил, а просто махнул рукой: мол – какая разница!

– Ну, вы молодец! Я уж вас списывать тогда хотел, но, думаю, подожду, может, исправится человек. Напугается, – продолжал доктор, что-то записывая в карте Михалыча. – А вы и правда за себя взялись.

– Да уж... – непонятно кому сказал Михалыч. – Взятся.

– Поработаете еще, полетаете, а то пенсии сейчас сами знаете какие. А так, может, еще и машинку обновите свою. Иномарочку подержанную возьмете. Или участок на старость купите в деревне.

Михалыч кивнул.

– Но про диету мне свою расскажите хотя бы в следующий раз. Все-таки можно ведь, если взяться-то!

Доктор снял очки, положил их в плотный футляр, аккуратно опустил его в сумку и вышел из кабинета. В комнате стало тихо. Михалыч все так же стоял на весах и о чем-то думал, наблюдая, как дергается тонкая металлическая стрелка циферблата.

Две главы

Наконец-то я закончил.

Писал я ее целую неделю, почти не отрываясь: в своем кабинете, в самолетах и такси, и даже по дороге домой – в метро. Я ставил свой маленький ноутбук на колени, вызывая удивление окружающих, и писал, не уступая место ни старикам, ни детям, ни даже беременным женщинам. Они смотрели на меня и ворчали, особенно женщины, шептались друг с другом, переглядываясь, кивали в мою сторону. Но в тот момент это место было мне нужнее, оно гарантировало эти сорок минут, что я мог писать в метро, эти сорок минут, на которые я мог уйти из той реальности, в которой оказался.

Я почти не ел, мне не хотелось отвлекаться и терять ритм изложения, который я смог поймать. Текст выходил сам собой. Я ни на секунду не задумывался, что мне писать. И не знал, что уже было написано. Казалось, я пишу ее всегда, просто в ней растворившись и став с ней единым целым.

По утрам, просыпаясь в пять часов, когда солнце еще было холодным и едва показывалось над нижним краем окна, я начинал писать. Не шел умываться и чистить зубы, не желая тратить на это время. Она мне казалась тогда важнее всего на свете, буквально всем, что у меня есть, хотя ее еще и не было. Я создавал ее по буквам, по строкам, по страницам.

То, что творилось вне ее, меня буквально уничтожало. Я не хотел туда возвращаться, не хотел быть в той реальности, к успеху в которой когда-то так стремился. Я хотел уйти оттуда и ушел в нее. Но реальность не отпускала меня до конца, она караулила меня на работе, когда я проводил совещания, она погружала меня в монотонные и бесчисленные презентации и переговоры, она говорила голосами моих близких, которые я не хотел слышать. Она приходила в образе моей жены и так и не родившегося ребенка, погибшего на днях. И я бежал от этой ужасной реальности. Бежал в нее, в свою книгу, и она обволакивала меня своим панцирем, засасывала в свою утробу, убаюкивала своим текстом.

И вот она готова. Сто страниц крупным шрифтом. Не слишком много, но и не так мало. И что же дальше?

Надо поесть. Да, я очень хочу есть. Все эти семь дней я не помню, чем питался и ел ли вообще. Вечерами я точно пил вино. По-моему, белое. Должно быть, от него я окончательно не пьянел, что позволяло писать дальше. Но оно точно давало силы. Словно горячее, оно проникало в мои вены, растекаясь по ним и согревая меня. Если бы не вино, то я бы, наверное, и не закончил ее. Хотя я не был пьяным.

Я распечатал рукопись и бросил ее в тумбочку стола. Пусть побудет там. Вылежится. А что дальше? Дать кому-то ее почитать? Не стоит. Я же не писатель. Я же никогда не умел писать. И даже сочинения в школе давались мне с огромным трудом. А тут целая книга. Хоть и небольшая. Кто бы мог подумать! Смех, да и только. Знал бы мой отец, перечитавший всю мировую литературу! Наверное бы, только усмехнулся. Нет, нельзя ее никому показывать. Лучше просто стереть файл и выкинуть рукопись. Тем более что она пока в одном экземпляре. Никто и не заметит. Только уборщица вечером удивится, убирая полное ведро бумаги, но ничего не скажет. Ей-то что. Мало ли в офисе бумаг выкидывают. Ладно, пусть пока полежит в тумбочке, не мешает ведь никому. А там посмотрим.

Прошла неделя, а за ней месяц, и тут случайно я вспомнил про свою рукопись. Открыл ящик стола – она так и лежала там. Словно я бросил ее туда только что. Может, дать кому? Из близких? Чтоб уж не засмеяли? Или в издательство файл выслать? Хотя какое там издательство? А что? Чем я рискую? Они все равно свою почту не проверяют. Это ведь все знают. Подумаешь – одним файлом больше, одним меньше. Все равно ведь не прочитают. Просто уничтожат в конце дня, на этом все и кончится.

Я открыл интернет и задал нужные параметры в поисковике. Через полчаса у меня были электронные адреса нескольких крупных московских и питерских издательств. Их набралось семь или восемь. Написав сопроводительное письмо, я прикрепил файл с рукописью и нажал «Отправить». Что ж, это, пожалуй, все, что я могу сделать для своего детища. На этом, пожалуй, и закончу с писательством.

В мой кабинет постучали. Дверь приоткрылась, и я увидел лицо Михаила, коллеги из соседнего кабинета, седовласого человека с добрым взглядом.

– Миш, зайди на минутку, – позвал я его.

– Я и так зашел, – он сел на стул напротив. – Не хочешь по чуть-чуть? У меня там вискарь из дьюти-фри.

– Не, погоди. Не до этого сейчас. Можешь это почитать? – и я вывалил на стол рукопись.

– А это что?

– Это – книга!

– Чья книга? – удивился он, нахмутив лоб.

– Моя.

– Да ну?

– Ну не книга, а так, – замялся я, – попытка, что ли. Фиг его знает. Приперло, в общем.

– А... Ну ты даешь... Ладно, давай почитаю, – он взял рукопись и сунул под мышку, – но быстро не обещаю. Я вообще медленно читаю.

– Ясное дело, как получится. Только ты там это, не суди, так сказать, строго.

– Да что ты! – он махнул рукой. – Свои же! Какое там строго...

Вечером, дома, я распечатал еще два экземпляра рукописи. Решил – пусть уж и другие смотрят. Пусть покритикуют. А вдруг кому понравится? Бывает же и такое. Хотя и редко.

Утром следующего дня ко мне зашла наша переводчица, Настя, миниатюрная блондинка с острыми скулами, вся в веснушках, с яркой татуировкой на руке, и села передо мною на стул.

– Ну что, шеф, какие задания сегодня? – съехидничала она.

– Особых нет, но есть просьба, что ли... – замялся я, не зная, как лучше сказать.

– Что за просьба? – она перекинула ногу на ногу.

– Ты же у нас поэтесса?

– Так... – она немного смутилась. – Хобби больше. А что?

– Я тут книгу написал, – моя рука полезла в сумку за рукописью, – хотел тебе дать. Посмотреть. Ты как?

– Ты? Книгу? – Она резко выпрямилась, разведя в стороны маленькие плечи. – Это шутка? Или как?

– Нет, не шутка. Почитай, пожалуйста, когда время будет, – я протянул ей свой талмуд, – но и не суди строго. Я же это... первый раз.

– Ладно, давай почитаю, скажу потом, – она протянула руку. Я заметил свежий зеленый лак на ее ровных ногтях и отдал ей книгу.

Она вышла, хлопнув дверью и породив во мне кучу сомнений. Зачем я это делаю? Зачем смешу людей? Ведь про меня скоро пойдут такие сплетни и кривотолки! Но уже поздно было отступать. Я снял трубку и позвонил юристу – полному неуклюжему человеку в очках с толстыми стеклами.

– Да, Коль. Чем могу помочь? – его сочный баритон внушал мне спокойствие.

– Я тут по одному вопросу, с просьбой, верней.

– Слушаю тебя, – все так же серьезно проговорил он.

– Ты можешь одну книгу посмотреть?

– А кто написал?

– Я, – возникла пауза, – то есть я написал ее.

– Хорошо, я посмотрю. Мне зайти или ты занесешь?

– Я занесу! – сказал я и положил трубку.

Вечером я распечатал еще несколько экземпляров книги и на следующий день раздал их коллегам, тем, кого хорошо знал и мог доверять. В конце недели выборка читателей составила десять человек. Достаточно для трезвой и правдивой оценки моего опуса.

Всю следующую неделю я думал о своей книге, все-таки периодически проверяя почту. Но ответа от издательств не было, ровно как и от моих читателей. Так прошла и вторая неделя. А за ней и третья. «Ну ее, эту книгу, – подумал я, – позорище! Хорошо, что хоть своим дал. Не засмеют». И я уже стал понемногу забывать о своем эксперименте и полностью ушел в работу.

В кабинет постучали. Зашел Миша. Лицо его было взволнованно и одновременно сосредоточенно. Глаза сияли.

– Слушай, я прочел! – начал он с порога.

– Да садись ты! – заволновался и я.

– Мне очень понравилось! Почти все! Кроме... – он поднял взгляд в потолок, хлопнул глазами. – Кроме двух глав!

– Каких? – мой голос уже срывался.

– Ну там, где ты про институт пишешь, и еще одна, – он задумался, – да, там, где тебя похитили!

– Третья и пятнадцатая. А что в них не так? – расстроившись, спросил я. – Хорошие главы, на мой взгляд.

– Нет, не скажи. Прямо режут глаз! – он даже поморщился.

Я тяжело выдохнул, вспомнив, что это мои любимые главы, без которых сложно было бы книгу представить. Однако Миша был непоколебим. Но оставалось еще восемнадцать глав. И они ему понравились. Что ж, две главы можно и переписать.

– Ладно, я посмотрю, что с ними не так. И попробую заменить на что-нибудь другое, – согласился я.

– Да-да, замени. Они никуда не годятся!

– Хорошо. Пусть будет по-твоему.

Он ушел, оставив меня перед тяжким выбором – оставить или выкинуть из книги две моих любимых главы. Я колебался, будучи не в состоянии принять решение.

Через день пришла Настя. Радостная и счастливая, чем-то похожая на девушку-подростка, сбежавшую с уроков.

– Слушай, я прочла!

– И как? – не без страха спросил я.

– Супер! Мне очень понравилось. Мне и маме! Она толк-то знает в литературе! Все перечитала. Говорит – Довлатов молодой!

– Здорово, – оживился я.

– Ну, кроме двух глав, правда, – Настя отвела взгляд в сторону.

– Третья и пятнадцатая? – насторожился я.

– Щас посмотрю, – она зашуршала страницами. – Нет, восьмая и тринадцатая.

Я попытался вспомнить про что там, но не смог.

– Ты их лучше выкинь. Ну... или перепиши. Не катит совсем.

– А третья и пятнадцатая?

– Хорошие главы, про похищение так вообще супер!

– Хорошо, я подумаю, – с облегчением сказал я.

– Нет, тут думать нечего. Не годятся они! И мне, и маме не понравились.

Еще через день ко мне пришел юрист Дима и сказал, что все очень хорошо, кроме девятой и двадцатой главы. И настоятельно рекомендовал их исключить.

За ним потянулась остальная вереница моих читателей. И каждый из них хвалил книгу, рекомендуя исключить все новые главы. Причем последних было почему-то всегда по две. Когда пришел последний читатель, я спросил с порога:

- Хочешь, угадаю, что тебе не понравилось?
- Давай, – усмехнулся он.
- Первая и восьмая! – с уверенностью заявил я, назвав две оставшиеся главы.
- Точно! А откуда ты знаешь?
- Да они всем не понравились! – соврал я.
- Ну, значит, я тебе ничего нового не скажу, – расстроился он.
- Все равно спасибо! Ты просто окончательно поставил точку в этом вопросе.
- Рад стараться! – он отдал мне честь и вышел из кабинета.

Выходило, что я должен был либо переписать всю книгу целиком, либо оставить все как есть. Я выбрал второй вариант. А что мне оставалось? Переписывать все не имело никакого смысла.

Через месяц я получил письмо от редактора одного из издательств. Она писала:

«Николай, вы интересно пишете. Живо и реалистично. В общем, мне понравилось. Мы готовы обсудить контракт. Приезжайте. Только вот есть пара глав, их бы переписать... При встрече обсудим».

Ниже шел адрес издательства.

Я смотрел в экран монитора, не веря, что мне ответило крупное издательство, а моя книга понравилась редактору. Я вообще не верил, что все это мне не снится.

Сидел и перечитывал письмо. Много раз. И каждый раз пытался угадать, какие же две главы не понравились этой женщине...

Марафонец

В спину дул теплый ветер, разметающий его волнистые волосы. Кроссовки прилипали к асфальту, раскаленному под лучами полуденного итальянского солнца. Дыхание срывалось все чаще, перед глазами появилась пелена, ноги стали ватными. Казалось, еще чуть-чуть, и он упадет. С трудом, но он держался. Справа от себя увидел силуэт своей родной сестры Луизы, высокой, худой, черноволосой и кудрявой итальянки с тонким нежным лицом. В руках она держала бутылку воды.

– Серджио! Пей, Серджио, – кричала она, расплываясь в его глазах.

На ответ ей совсем не было сил. Он замедлил шаг и свернул к обочине дороги. Жадно выхватил бутылку из рук сестры и стал пить, постепенно ускоряя шаг.

– Еще немного, Серджио! Ты первый! Еще немного. Ты добежишь!

Он посмотрел в ее сторону потупленным взглядом, смахнул со лба пот и, швырнув бутылку на обочину, побежал в сторону финиша.

– Ты первый, Серджио! Мой брат всегда первый! – услышал он за спиной.

– Я первый, – еле слышно прошептал он, стараясь удержаться на ногах.

Через полчаса он стоял на пьедестале, на самом вершине, подняв над собой позолоченный кубок – приз за первое место. Солнце все так же пекло затылок, и жутко хотелось пить. От жары кружилась голова. Он посмотрел по сторонам: место справа занимал поджарый негр с кристально белыми зубами, слева – мясистый рыжеволосый европеец. Оба изнывали от жары. Внизу он заметил Луизу. В руках она держала букет из свежих красных роз. Внезапно она замахнулась и бросила цветы в сторону Серджио. Он протянул руку вперед и почувствовал, как закололо в области сердца, словно туда загнали иглу. Схватившись за грудь, он стал терять сознание. Перед глазами все закружилось.

– Ты первый, Серджио... – последнее, что он услышал, уже падая.

Его разбудил яркий свет лампы. Он попадал в глаза, мешая разглядеть все вокруг. Справа от себя он увидел человека в белом халате, доктора. Слева – раздавленную горем Луизу. Она вытирала кулаком слезы, размывшие тушь на ее юном лице. Доктор ходил из одного края комнаты в другой, словно чего-то ждал. Увидев, что Серджио открыл глаза, он заговорил:

– Ну наконец-то вы очнулись. Как вы себя чувствуете? – Он подошел к Серджио и приподнял его веки. – Все хорошо?

– Да, – кивнул тот, но сразу же почувствовал приступ тошноты.

Испуганная Луиза схватила со стола металлический тазик и поднесла его брату. Серджио вырвало. Комнату наполнил кислый неприятный запах. Врач протянул Серджио стакан воды.

– Пейте! – спокойно сказал он. – Вам нужно много пить!

– Спасибо, – прохрипел Серджио.

– Вы знали, что у вас проблемы с сердцем? – сухо спросил врач, наполняя новый стакан.

– Нет, – ответил Серджио.

– Плохо, это ведь не шутки. У вас порок сердца, видимо, врожденный.

– И как же мне теперь? – сбивчиво спросил Серджио.

– Беречь себя. Для начала пройти полное обследование и выполнять рекомендации врача.

– А бегать? – вмешалась в разговор сестра. – Он сможет бегать?

– Думаю, что с этим пока придется заканчивать, – ответил доктор, снимая резиновые перчатки.

– Мой брат всегда первый... – прошептала Луиза, глядя в стену.

– Боюсь, что с такими проблемами надо будет отказаться от подобных предрассудков. Если он, конечно, хочет жить.

Серджио пил воду маленькими глотками – его губы мелко дрожали, а бледные впалые щеки были как у мертвеца, холодные и безжизненные. Луиза протянула ему руку. Он взял ее влажную ладонь и почувствовал, как бьется ее сердце.

– Для меня ты всегда будешь первым, – сказала она и заплакала навзрыд. Серджио провел рукой по ее распущенным волосам и прижался головой к ее плечу.

– Я все равно им буду... – с трудом выдавил он из себя. Дверь хлопнула – доктор вышел из комнаты. – Я всегда первый, милая.

В комнате было светло: лучи весеннего солнца освещали ее, оставляя лишь одинокие участки, куда могла спрятаться тень. Серджио сидел за длинным дубовым столом, ожидая собеседования. Вошли два молодых человека – пухлый, с маленькой лысой головкой, и тонкий, рыжеватый. Они сели, разложив перед собой бумаги. Пухлый, задав несколько протокольных вопросов, вдруг спросил:

– А кем вы себя видите через десять лет?

– В смысле? – не понял Серджио.

– Ну, через десять лет в компании.

– Ее президентом! – не задумавшись, ответил Серджио.

Рыжеватый собеседник закашлялся в кулак, его коллега открыл бутылку воды, сделал большой глоток и вытер лоб тыльной стороной ладони.

– Я буду тут главным... – завершил Серджио.

Через три года он возглавил самый крупный бизнес компании, еще через два стал ее вице-президентом. К выборам президента корпорации он подошел, когда ему исполнилось тридцать пять.

Он был одним из трех кандидатов. Не основным. Но это был шанс, который он не мог не использовать. Ради достижения цели он выжимал все, что только мог, из своего бизнеса. Всеми силами старался изменить показатели в лучшую сторону. Ради этого подписывал сомнительные контракты, шел на авантюрные поглощения, сокращал людей сначала сотнями, а затем и тысячами. Сотрудники его возненавидели.

В один из дней Серджио позвонил президент.

– Я хочу вам сказать, что корпорация очень ценит ваш вклад и старания, так сказать, но мне кажется, что вы перегибаете палку, – сказал он печальным голосом.

– Что вы имеете в виду?

– Все эти сокращения, это нехорошо.

– Но наша маржа увеличилась, заказы имеют потенциал к росту, люди работают гораздо больше.

В трубке повисла пауза. Казалось, что президент хочет что-то сказать, но не может.

– Вы убьете бизнес, как мне кажется, – наконец-то проговорил президент. – Вы одержимы своей личной целью.

– Я не... – задрожал голос Серджио.

– Думаю, что вам надо остановиться и подумать.

– Но цифры... показатели, – не унимался Серджио.

– И долго вы их будете держать? Квартал или два?

– Год...

– Не думаю, – поставил точку президент. – Я снимаю вас с этой должности и считаю, что на позицию президента вам претендовать еще рано!

– Как... я же... – у Серджио кружилась голова, и он пытался ухватиться хоть за воздух, чтобы не упасть. – Показатели ведь...

– Я решу, куда вас перевести! – сказал президент и положил трубку.

Серджио почувствовал острую боль в области сердца. Его затошнило, перед глазами появилась пелена. Ему казалось, еще чуть-чуть – и он рухнет на пол. В кармане он нащупал

телефон, с трудом вытащил его, нашел знакомый номер в адресной книге и, набрав его, выдал из себя:

– Луиза, приезжай! – он стал падать. – Срочно! – телефон выпал из рук.

Серджио лежал в отдельной палате. Луиза сидела у входа, ожидая доктора, самого лучшего кардиохирурга Италии. Тот появился внезапно.

Он был молодым, высоким, с массивными плечами и квадратным подбородком. Увидев его, Луиза вскочила со стула.

– У него был инфаркт! – начал доктор, не поздоровавшись. – И ему повезло, что он жив!

– С ним все будет хорошо? – с трудом сдерживая слезы, прошептала Луиза.

– Ему нужен покой и, конечно, режим, чтобы восстановиться. Он потерял много сил.

– Конечно, доктор, я позабочусь о нем, – Луиза достала из сумки блокнот, готовясь записывать рекомендации доктора.

– А это не он раньше бегал марафонские дистанции? – внезапно спросил врач.

– Он...

– Сильный был бегун, один из наших лучших.

– Он был первым, всегда, – сказала Луиза, опустив глаза.

Доктор покивал головой, думая о чем-то своем, и добавил:

– Всему свое время.

– Он сможет еще работать, доктор?

– Может быть, все может быть, – неуверенно ответил врач, – но об этом лучше пока не думать. Ему нужен покой.

Серджио выписали через неделю, еще через неделю он приступил к новой работе. Через год был признан самым эффективным вице-президентом корпорации. Через три снова вернулся в тройку основных кандидатов на пост следующего президента корпорации. Но на рынке внезапно разразился кризис, ударив больше всего по бизнесу Серджио. И в этот раз никакие сокращения персонала, сомнительные поглощения компаний и прочие схемы не смогли ему помочь – бизнес неизменно падал вниз.

В один из дней его вызвал президент:

– Я хочу вас поблагодарить за ваш труд. Вы действительно отдаетесь на все сто.

– Спасибо, господин президент.

– Ваша трудоспособность поражает... Говорят, что вы спите по четыре часа и почти все время проводите в самолетах.

– ...

– Я очень ценю вашу самоотверженность. Но у вашего бизнеса самые низкие цифры.

– Я пытаюсь все исправить.

– Понимаю. Я на вашей стороне и, поверьте, поддерживаю вас, – он почесал свой крупный блестящий лоб.

– Тогда зачем вы меня позвали?

– Скажу прямо: с такими цифрами мы не можем вас оставить в списке претендентов на мой пост, хотя как человек, как сотрудник...

– Что? Почему? – Серджио затрясло, ртом он стал глотать воздух.

– Вы не волнуйтесь. Вы ведь еще совсем молоды. В вашем возрасте я еще...

Серджио его не слушал. Он развернулся и пошел к выходу, так и не попрощавшись с президентом. Выйдя из здания, он напрямик направился в сторону стадиона, на котором бегал еще в детстве.

Луиза нашла его ночью. К этому моменту его сердце не билось уже несколько часов. Шагомер показывал, что он смог одолеть почти половину марафонской дистанции...

Прозорливый

Войдя в квартиру, Алексей повесил куртку, снял ботинки и быстрым шагом проследовал в ванную. Включил теплую воду и, сполоснув руки, вытер их полотенцем. Почувствовав запах чего-то вкусного, направился на кухню. Жена возилась с готовкой. На круглом белом столе он увидел сковороду с жареной картошкой. Рядом с ней стояла закрытая банка маринованных грибов и лежала вилка, один зубец которой был отогнут в сторону. Внезапно что-то зашипело. Жена быстрым движением сбросила с кастрюли крышку.

– Помочь? – от порога посочувствовал супруге Алексей. Та от неожиданности его появления даже вздрогнула.

– Ой, господи! Ну и напугал же ты меня...

Она повернулась к мужу и быстро посмотрела на него. Но тут же схватила тряпку и стала вытирать с пола разлившийся суп.

– Надо было на тройку поставить, а я на пятерке все, – она смахнула с тряпки в ведро кусочки вареной капусты.

– Да ладно, – Алексей подошел к окну и открыл форточку. – Душно тут. А грибы откуда?

– Мать заехала, говорит, на работе кто-то дал. Сами маринуют.

– Грибники... Мать их...

– Не ругайся, – жена переключила конфорку на тройку. – Грех это! Ругаться...

– Да ладно, – Алексей хлопнул себя по правому карману, нащупал пачку сигарет, взял с холодильника коробок спичек.

– Вот поэтому и не дает тебе бог работу! Оттого, что ругаешься матом все время.

Алексей вытащил из пачки сигарету, подошел к окну, открыл форточку. Закурил.

– Как сходил, кстати?

– Да так... – он выдохнул дым, пустив несколько колец. – Не вариант, там уже по ходу выбрали они.

– А... Ну ладно. Поешь вон. Для тебя поставила.

Алексей сел напротив сковородки, открыл банку с грибами и насадил на вилку опенок. Затем бросил его в рот, облизав вилку.

– Вкусно, не соврала мать, – он полез в банку за новым грибом.

– Мне только оставь, – жена переставила кастрюлю с супом с одной конфорки на другую. – Хватит ему кипеть, а то все витамины выкипят.

– А водки не осталось у нас? – спросил Алексей, зная, что водки нет. – А то под грибы...

– Какая тебе водка. Ешь давай, – строго ответила жена и села за стол. – У тебя же тренировка сегодня?

– Нет, не сегодня. Отменили...

– А чего так? – безучастно спросила жена и положила себе на тарелку жареную картошку. Ложкой достала из банки несколько грибов.

– Отдохнуть решили немного. На прошлой неделе соревнования были. Ребята из Перми приезжали.

– Ах да, я и забыла совсем. Кто-нибудь выиграл из ваших?

– Валерка второе место занял, нокаутировал там одного... С башкой такой, – Алексей развел руки в стороны, пытаясь показать размер головы. – В дыню ему саданул, так тот и сел. А в финале – проиграл все-таки.

– А ты?

– Ничья, замудохался с одним татаринком, – Алексей встал, подошел к шкафу рядом с плитой, открыл его. – Юркий оказался. Ничью дали.

– Что ты там ищешь? Водку? – раздраженно спросила жена.

– Было же еще, грамм сто?

– Не было! Я же сказала, что бутылку выкинула!

– Не говорила... – Алексей вернулся к столу, сел на стул.

– А Валерке заплатят за второе место-то?

– Не, у нас же не платят за это. Мы же не профессионалы.

– Понятно, – жена доела остатки картошки, взяла со стола тарелку и поставила ее в раковину. – А он тоже без работы до сих пор?

– Кто?

– Валерка твой.

– Тоже...

Внезапно зрачки у жены сузились, взгляд ее напрягся, и она схватила Алексея за руку:

– Слушай, чуть не забыла. Мать сказала, что тут батюшка один приехал, в соседнем подъезде квартиру снимает.

– И что он мне? Работу, может, даст?

Жена взяла со стула кухонное полотенце, вытерла рот.

– Слушай, он – прозорливый, говорят. И глаза у него, – жена на мгновение прищурилась, – словно озеро – глубокие и чистые. Ангельские, говорят, глаза.

– Ты видела, что ли?

– Мать сказала, у них одна с работы ходила. Говорит – прямо мысли читает. Прозорливый, одним словом!

– Понятно... А ты точно бутылку выкинула? Там же еще оставалось...

– Выкинула! Чего мне врать-то?

Алексей нагнулся над столом, дотянулся до полотенца и тоже вытер губы.

– Ну ладно...

– Сходил бы, может? А то уж какой год работы нет.

– Куда?

– К батюшке этому! Может, скажет, что делать-то.

– Да ну...

Жена поднялась, выпрямилась. На крупной ее шее Алексей увидел две глубокие морщины.

– Чего да ну-то? Уже не знаешь, кому молиться, а тут такой человек приехал. Да еще и в соседнем подъезде принимает.

– И бесплатно принимает? – съехидничал Алексей. – По совести?

Жена смутилась, посмотрела в стол. Кончиками пальцев провела по губам.

– Да нет, ну что-то там надо оставить. Чисто символически. Они же и квартиру снимают, и есть готовят.

– А сколько? Оставить-то?

– Да я почему знаю? Скажут тебе. Деньги, если что, в ящике в коридоре. Ну сам знаешь...

– Знаю, – огрызнулся Алексей. – Да не верю я в это... Не пойду.

Лицо жены словно потемнело, стало отрешенным и чужим. Она шмыгнула носом и ладонью закрыла глаза. Алексею стало ее жалко.

– Да ладно, схожу я. Валерку возьму, и вместе сходим, за компанию.

– Обещаешь? – на лице жены появилась улыбка. – Правда?

– Обещаю, Валерку только уговорю. А то одному...

– Да мне хоть с кем. Главное, чтобы батюшка этот тебя увидел, – она подошла к мужу и крепко его обняла, поцеловала в щеку. – Вот спасибо, а деньги в ящике...

– Да знаю я...

Утром следующего дня Алексей стоял у входа в соседний подъезд, ждал Валерку. Курил. В голове роились разные мысли. Главная, конечно же, про работу. Как он мог тогда психануть,

не сдержаться и все выговорить начальнику? Ведь спокойный же человек, выдержанный. И так сорваться. А потом кризис этот и сокращения. В общем, его первого под откос тогда. И зачем? На ровном месте же вся была ситуация. А остальные – все еще там работают, многие. Ух... Он докурил сигарету и швырнул бычок в кусты.

– Ты что это бычками швыряешься? Чуть в меня не попал? – спросил улыбающийся Валерка, появившийся непонятно откуда.

– Извини, я задумался.

– Ничего, это я так. Тебя взбодрить. А то смотрю – нос повесил.

– Повесишь тут... Работу бы найти.

– Найдем, не кисни. Ну что, к батюшке твоему идем?

– А ты деньги, кстати, взял? – перебил Алексей.

– Сотку!

– Хватит, думаю. Все-таки блок сигарет на нее взять можно.

Они зашли в подъезд, поднялись на нужный этаж, позвонили в дверь. Открыла молодая женщина с худым уставшим лицом.

– Вы к отцу Владимиру? – сухо спросила она.

– Да.

– Проходите в коридор. Садитесь, где найдете. Сегодня людей много, – сказав это, она убежала в сторону кухни. Алексей посмотрел ей вслед. На правой руке хозяйки он увидел след от выведенной татуировки.

– Ну и девица... – словно угадывая мысли Алексея, вставил Валерка. – Странная... да и с татухой!

В коридоре сидело несколько человек: молодая девушка с грудным ребенком, пара молодоженов, три или четыре бабки и мужчина средних лет, который постоянно крестился. Кроме них была еще одна седая женщина с раскрытым пакетом в правой руке. В левой же она держала красную длинную свечку. С периодичностью в несколько секунд женщина напевала слова молитвы, специально их растягивая. Получалось что-то вроде заунывной песни. Увидев новых гостей, она протянула руку с пакетом в их сторону, даже не вставая со стула.

– Доставай свою сотку, – шепнул на ухо Валерке Алексей. Тот послушался – бросил в пакет купюру. Алексей последовал за ним – бросил свою.

На кухне заиграла музыка и запахло вареными макаронами. Гости стали переглядываться. Некоторые из них были голодны. Алексей услышал знакомые слова песни.

«В этот день родили меня на свет, мне сегодня тридцать лет!» – доносилось с кухни.

Алексей изумленно глянул на Валерку – эту песню он хорошо знал, играл «Сектор Газа».

– Валерка, так это же...

– «Сектор Газа»!

– Именно! А как это? Тут-то... рядом с батюшкой.

– Не знаю...

Алексей снова посмотрел на друга. Тот был растерян. В глазах его зримо смешались непонимание и удивление. Казалось, он был готов ко всему, но только не к «Сектору Газа».

– Странно все это, – пробормотал Валерка. – Очень странно...

– Может, это? – Алексей сначала кивнул на мешок с деньгами, потом на дверь. – Ну, деньги свои возьмем и того...

– Не-а, мне теперь и самому интересно. Кто это такие-то?

В этот момент в дверь позвонили. Из кухни прибежала девушка с татуировкой и дверь открыла. На пороге появился дед с длинной седой бородой и мохнатыми бровями. Из-за них он был похож на майского жука.

– Бог всем в помощь. Вот и я добрался до отца Владимира, – сказав это, он согнулся пополам, перекрестился. Затем опустил на колени и стал молиться.

- Попали... – Алексей хлопнул Валерку по плечу. – Теперь уже и мне интересно.
- Женщина с пакетом привстала и поклонилась гостю. Тот протянул ей несколько сотен.
- Сядем? – внезапно предложил Валерка, увидев две табуретки у одной из стен.
- Сядем, – согласился Алексей.

Они сели и замолчали. Каждый стал думать о своем.

Алексей – о том, что уже несколько лет после ссоры с руководителем не может найти работу. Ссора была глупой и обидной для него. Много раз он вспоминал о ней, жалел, что тогда сорвался, не удержался и все высказал начальнику. Да еще и при коллегах. Знал бы он, как потом все сложится. Ну что уж теперь!

Валерка же думал о новой женщине, которая ворвалась в его жизнь совершенно внезапно, незапланированно. Ломая и перемалывая ее, все переворачивая с ног на голову. И разве думал он еще месяц назад, что будет говорить о разводе с женой? И что жена будет плакать после этого разговора целую неделю. А главное – перестанет разговаривать с ним и даже смотреть в его сторону. Разве думал он, что так все изменится за месяц? Поэтому-то с радостью и принял приглашение Алексея сходить к прозорливому батюшке. Может, тот поможет? Скажет, куда теперь бежать и что делать. Валерка чувствовал, что совсем застрял в этой ситуации, в этом любовном треугольнике.

Так прошел час.

- Заходите! – крикнул кто-то из сидящих в коридоре. – Ваша очередь!

Алексей посмотрел на Валерку, хлопнул его по плечу и сказал:

- Давай ты первый!

Тот встал и, ничего не ответив, зашел в комнату, где принимал батюшка, и плотно закрыл за собой дверь. В коридоре опять стало тихо. Лишь одна молодая женщина читала молитву. Дед с бородой, прикрыв глаза, еле слышно посапывал. Алексей, чтобы скоротать время, вышел на лестничную площадку и закурил.

Дым выходил изо рта и разбивался о стекло. Было грустно. Хотелось чего-то нового, необычного. И прежде всего – вырваться из этой рутинной жизни: найти работу, может быть, переехать в другое место, сменить обстановку. В общем – хотелось любых изменений. За спиной шелкнул замок, Алексей обернулся.

- Ну где вы бродите?! – грубо спросила девушка с татуировкой.
- Уже? – Алексей затушил бычок о стену и швырнул его в мусоропровод.
- Уже!

Алексей зашел в коридор и увидел перед собой Валерку. Тот показался ему слегка опешившим и растерянным. Он хлопал себя по карманам джинсов и, казалось, что-то искал. Потом в его руке появилась зажигалка.

- Ну чего? – не выдержал Алексей. – Что сказал?

Валерка наконец-то посмотрел на товарища и поднял ладони над головой, словно изображая оленя.

- Похоже, липа, Леша! Не понял чет я...

– Проходите! – заглушая Валерку, крикнула девушка с татуировкой. – У батюшки и так мало времени!

Алексей, обойдя друга, просочился в комнату.

Отец Владимир сидел на диване, положив ноги на деревянную табуретку. Его маленькая голова тонула между крупных плеч. Шеи почти не было видно. Одной рукой он перебирал четки, другой – проводил по своей длинной черной шевелюре. На круглых щеках батюшки виднелось несколько длинных несбритых волосков. Увидев их, Алексей поморщился.

- Имя ваше, раб божий... – батюшка сделал в воздухе жест ладонью. Четки зашумели.
- Алексей, батюшка.
- Алексей, значит, хорошее имя. Многих святых так звали. Что тревожит, Алексей?

– Без работы я, батюшка... – Алексей попытался вспомнить срок.
Батюшка одобрительно покачал головой, погладил лоснящуюся бороду.
– Да уж вижу, скоро три месяца будет.
– Года, – поправил Алексей.
– Ах да, – четки дернулись на пальцах батюшки, – три года.
– Вот хотел узнать, что с работой делать? В чем причина? – с легким недоверием продолжил Алексей.

Батюшка внимательно осмотрел Алексея с головы до пят, помолчал, отвернулся, перекрестился на икону, висящую на стене.

– Так как же, батюшка? – повторил вопрос Алексей.

Отец Владимир на мгновение задумался, несколько раз глубоко вздохнул, вытер лоб и вдруг спросил:

– Балуеть? – он прищурился, словно что-то пытался разглядеть в глазах Алексея.
– В каком смысле?
– По девкам-то ходишь небось?
– По девкам? – решил переспросить Алексей, поймав странный взгляд батюшки. – Хожу, а кто же по ним не ходит, – неожиданно для себя продолжил он.

Батюшка внезапно привстал, выпрямился и широко улыбнулся. Алексей разглядел два золотых зуба. Батюшка прикрыл рот широкой ладонью.

– Люблю я это дело, – продолжил Алексей, хотя ни разу за двадцать лет их брака не изменял жене.

– Да вижу я, – оживился батюшка, – как ты с ними балуеть! Все как день вижу! На днях же вот... – он выдержал паузу, словно чего-то ожидая. И изобразил ладонью неопределенный жест в воздухе.

– С соседкой было... Нинкой!
– С Нинкой, да. Дебелой такой бабой.
– Так и есть, – Алексей опустил взгляд, чтобы себя не выдать.
– А месяц назад... С этой, ну как ее, – батюшка вертел в воздухе рукой, словно дирижер.
– С Маринкой из палатки! – Алексей схватился за лоб. Батюшка погрозил ему пальцем.
– Да за такие дела... работу он еще хочет.

Еле сдерживая смех, Алексей опустился на колени и подполз на них к батюшке. Отец Владимир поморщился, посмотрел по сторонам и, нагнувшись к Алексею, спросил:

– Чего еще-то? – Алексей почувствовал изо рта батюшки запах спирта с чесноком.
– Есть грешок один, батюшка.
– Говори, какой! – пальцы священника нервно перебирали четки.
– С другом мы того...
– Чего того?

– Ну друг с другом можем тоже... на выходных, когда жен-то дома нет.
– Да ну... – отец Владимир от изумления прикрыл рукой рот и наклонился ближе.

В этот момент Алексей, оттянув средний палец руки, щелкнул священника по лбу. Тот аж вскрикнул. Алексей же вскочил на ноги и вышел в коридор. Увидев Валерку, он поднял вверх ладони, теперь уже сам изображая оленя.

– Развод, мать их! – крикнул Алексей.
– Вот я им!

Валерка кинулся к женщине с сумкой денег и попытался вытащить две сотни рублей. Та же, схватив руку Валерки и не зная, как защитить добычу, укусила его за палец.

– Мать вашу! – заорал Валерка.

Дед с мохнатыми бровями внезапно вскочил и бросился на Алексея. Но на ходу пропустил удар справа и, хрипя, повалился на пол. Из комнаты выбежал отец Владимир и своими

пухлыми пальцами вцепился Алексею в шею. На Валерке уже висела женщина с татуировкой, прибежавшая с кухни. Несколько бабок бегали по коридору, крестясь. Кто-то напевал слова молитвы.

Через десять минут приехал наряд полиции, вызванный соседями. Еще через полчаса всех доставили в милицкий участок. Ближе к вечеру за Валеркой пришла напуганная жена. Увидев расцарапанного мужа, она бросилась к нему на шею, забыв про измену. Алексей же пошел домой сам. На выходе из участка он увидел объявление – требовались строители. Он переписал телефон и позвонил по нему, как только пришел домой. Договорился встретиться с прорабом следующим утром. Через неделю вышел на работу.

Прошло несколько лет. Алексей с супругой были в поездке по городам Золотого кольца. Проезжая мимо одного из монастырей, Алексей решил купить монастырских булок в киоске у обочины. Он постучал в маленькое окошко. Оно открылось.

– Чего вам? – спросил хриплый голос.

– Две булки с вареньем и... – в глубине фургона промелькнула знакомая девушка с выведенной татуировкой. Алексей пригнулся и посмотрел на продавца. Перед ним был отец Владимир. Только в этот раз он оказался без рясы и заметно постаревшим. К двум золотым зубам прибавился третий. Увидев Алексея, отец Владимир сначала невнятно захрипел, потом что-то пробурчал неясное и быстрым движением закрыл окно. Через мгновение на нем появилась вывеска – «Перерыв».

Спортсмен

В купе вошел крупный мужчина в потрепанном спортивном костюме. Он был почти лысым, с большим животом и красным щекастым лицом, какие обычно бывают у пьющих людей, страдающих гипертонией. В руке он держал огромную сумку. Черными буквами на ней было написано слово «Спорт». Прежде чем со мной поздороваться, он запихнул ее под нижнюю полку, чуть слышно выругался матом, достал не пойми откуда пластмассовый контейнер, плотно чем-то набитый, и наконец-то уселся. На его лоснящихся щеках появились капельки пота. Пальцы массивных рук слегка дрожали.

– Вот черт, еле успел на вокзал. Еще бы немного, и пропустил поезд, – сказав это, он открыл пластмассовый контейнер и вынул несколько блистеров с таблетками. Затем сильно и протяжно закашлялся, закрывая рот ладонью. Его шея покрылась розовыми пятнами. – Заболел я... серьезно, – и он опять громко зашелся в кашле.

Он наконец-то посмотрел на меня. На крупном некрасивом лице я увидел добрые голубые печальные глаза, над которыми нависали мохнатые брови. Внезапно лицо его скривилось, словно он только что съел что-то кислое или услышал неприятное известие.

– Извините, я забыл представиться, – он привстал и протянул мне руку. На ней не было части мизинца. – Александр Петрович, можно просто Саша. А вас как зовут?

– Николай... – ответил я и пожал ему руку. Она была влажной и теплой.

– Будем знакомы, нам с вами сутки почти ехать.

– Будем... – согласился я.

Александр Петрович посмотрел в окно, прищурился, словно пытаясь что-то вспомнить, и спросил:

– А вы выпить не хотите? А то я взял тут... водочки.

– Я бы поддержал, но мне надо быть в форме. Выступаю завтра.

Александр Петрович одобрительно кивнул, встал, поднял полку и достал из сумки бутылку водки и несколько пирожков, явно купленных на вокзале.

– Понимаю, – сказал он и опять закашлял, – а мне вот нужно... – Он выдержал паузу и добавил: – Из-за болезни.

– А таблетки?

– Ух... – он потряс пластмассовый контейнер, доверху набитый медикаментами. – Вот у меня их сколько. Великое множество...

Я удивился. Такого количества таблеток сразу мне видеть не доводилось. Разве что в аптеке.

– Действительно много, – согласился я.

– Я вам сейчас все объясню, – начал он. – Это мне доктора дали, чтобы... – тут он на мгновение задумался, почесал лоб. – Ну чтобы к соревнованиям успеть.

– Так вы еще и спортсмен? – удивился я.

– Да бросьте вы! Какой же я спортсмен? Я – чиновник. Возглавляю федерацию спорта в городе N.

Я опешил, но виду не подал. Странно было видеть чиновника высокого ранга в таком виде.

– А скоро в Европу ехать, сборную везти... – Он стал открывать блистеры с таблетками и доставать из них по несколько пилюль, складывая их на стол. – Вот так...

– Понимаю... – ответил я, разглядывая кучку таблеток. Их уже скопилось там около двадцати-тридцати. Но Александр Петрович и не думал останавливаться – он продолжал выкладывать на стол все новые лекарства.

– Не много ли? – поинтересовался я и кивнул в сторону кучки. Он на мгновение остановился, посмотрел на меня и снова улыбнулся.

– Так... – сказал он виновато, покосившись в сторону окна. – Это же врачи назначили... Я бы их вообще не пил.

Затем он взял чайный стакан, налил в него водки до краев и поставил стакан на столик – рядом с кучкой таблеток.

– А это-то вам зачем? – удивленно спросил я. В голове появились пугающие мысли, сменившиеся серьезным волнением.

– Это? – он указал на стакан с водкой, одновременно собирая таблетки в свою широкую ладонь.

– Именно! Это! – я еще раз кивнул на стакан. – Вы же, надеюсь, не собираетесь всю эту кучу лекарств водкой запивать?

Александр Петрович тяжело вздохнул. Прокашлялся. Посмотрел в окно и виновато ответил:

– Я же вам сказал, что я – чиновник. Мне часто пить приходится... – большие голубые глаза его вдруг стали совсем грустными и полными печали.

– Я ничего не имею против. Вы не подумайте. Мне просто за вас страшно. Может быть, разделить как-то? Водку с таблетками.

Александр Петрович махнул рукой. Улыбнулся широкой улыбкой. Расстегнул молнию на куртке и, взяв в руку стакан, произнес:

– Ну за... – зрачки его забегали и словно бы испуганно посмотрели в разные стороны. Он не знал, что сказать.

– Спорт, – вставил я.

Александр Петрович кивнул и приподнял стакан.

– Именно! За спорт!

Он закинул себе в рот все таблетки и попытался их проглотить. Лицо его стало бурым от напряжения, из глаз потекли слезы, в уголках рта появилась слюна. Затем он поднес к губам стакан с водкой и немного отпил из него. Часть таблеток, видимо, прошла по назначению. Потом он отпил еще, и его лицо стало приобретать здоровый оттенок.

– Помочь? – зачем-то спросил я.

Он помотал головой, что означало – не надо. Половина стакана опустела. Александр Петрович поставил его на стол, виновато посмотрел на меня, подмигнул и залпом допил водку.

– Ну как? – зачем-то спросил я.

– Ничего, пойдет... Провалилось вроде.

– Я хотел спросить – как вы себя чувствуете? Ничего нигде не болит? Не тошнит? Голова не кружится?

– Нет вроде...

После этого он встал с полки, достал сумку и спрятал в нее бутылку водки.

– Допивать не будете? – поинтересовался я.

– Так это на утро, – сказал он и ухмыльнулся. – Я же без нее не проглочу все.

Мы какое-то время еще поговорили о спорте и решили лечь спать пораньше. Утром меня разбудила светленькая проводница с детским лицом и тонкими ногами.

– Просыпайтесь, вы вчера просили меня разбудить вас. Вам выходить через пятнадцать минут!

Я вскочил, взял щетку и пасту и побежал в туалет. Умылся. Вытерся майкой, так как забыл взять полотенце. Когда вернулся в купе, Александр Петрович раскладывал на столике таблетки. Остатки водки уже были в стакане.

– Доброе утро, Николай, как спалось? – весело спросил он.

– Отлично! А вам?

– И мне отлично!

– Вы опять? – спросил я и кивнул на таблетки.

– Так... врачи, – махнул он рукой и прикрыл ею стакан с водкой.

В купе забежала напуганная проводница.

– Торопитесь, вам через пять минут выходить!

– Иду, – ответил я, проверяя документы в сумке. Александр Петрович поднял стакан с водкой, зажав в другой руке горсть с таблетками.

– Ну, не поминайте лихом, прощайте! – я слегка коснулся его плеча и начал открывать дверь купе.

– Подожди, Николай, – остановил он меня, улыбнувшись. – А как же тост на прощание? Я задумался. Ничего не приходило в голову.

– За здоровье?! – я посмотрел в его добрые доверчивые глаза.

– Отличный тост! За здоровье... Ну прощай! Не поминай лихом!

Я спрыгнул с поезда на перрон. На улице шел мелкий дождь. Над неровным горизонтом неохотно поднималось тусклое солнце. Я посмотрел на часы – было без пятнадцати восемь. Взглядом я проводил поезд и пошел в сторону здания вокзала.

Скорая помощь

Игорь Федорович неспешно прошелся вдоль длинного коридора, рассматривая старые фотографии бакинских месторождений. На буровых можно было разглядеть маленьких человечков в касках – рабочих-нефтяников, измазанных нефтью. Там, в Баку, он когда-то работал геологом – попал под распределение сразу после окончания МГУ. Тех буровых, что на снимках, давно уж не было, да и само месторождение обводнилось и давало скорее воду, нежели нефть.

Он постоял напротив одной из фотографий, пытаясь разглядеть надписи на касках нефтяников, больше напоминающих негров на плантациях, чем передовых советских рабочих. Не вышло. То ли зрение уже подводило Игоря Федоровича, то ли каски были такими грязными, что человеческий взгляд не мог уж ничего на них и различить. Затем он глубоко вздохнул и долго выдыхал, уставившись на свои новые швейцарские часы, подаренные друзьями на семидесятилетие. На золотом металле важно поблескивала надпись «Почетному нефтянику от друзей!»

Да, именно, почетному нефтянику. Ведь таким он и был. Почти пятьдесят лет в индустрии. Мало кто столько смог отпахать. Большая часть их выпуска уже на том свете – кто спился, кто сломался, не выдержав лихих поворотов жизни, и сгинул, а кто-то просто умер от старости. Но только вот не он. В свои семьдесят он все еще подтянут и даже хорош собой. Чувство ответственности за дело все так же в нем живо, как и много лет назад. И он еще даст пороку молодым, он еще запустит не один проект, он еще дотянет до следующего юбилея и получит последние подарочные часы – платиновые.

В коридоре было пустынно и тихо. И лишь стук каблучков его помощницы, Марии Прохоровны, сухощавой, пожилой, но все еще интересной внешне женщины, нарушал эту тишину. С каждой секундой стук нарастал, заполняя собой все пространство вокруг.

– Игорь Федорович, а вы что стоите? Не заходите? – Она поправила красную велюровую юбку и остановилась у двери его кабинета.

– Да задумался что-то, Мария Прохоровна, на фотографии засмотрелся.

– Знакомая обстановка?

– Еще как, вы бы знали, сколько я таких буровых облазил, сколько скважин повидал. Я же каротажником был, а это, в переводе на человеческий язык, по скважине в день. И все как часы! – Он потряс загорелой рукой, показывая часы. – Все без опозданий! Минута в минуту! Нас еще «Скорой помощью» прозвали тогда. Бригаду-то нашу.

– Почему? – удивилась Мария Прохоровна.

– А потому что не опаздывали никогда. И работу всю в срок сдавали. Ведь опоздание – не про нас!

– Пряма-таки и никогда?

– Ни разу! Я своих знаете как гонял! Выпил или опоздал – ребят подвел. Сразу на выход! Не нужны нам такие сотрудники. Человек – он как часы должен быть, – он опять продемонстрировал свой золотой швейцарский хронометр. – Механизм что тут, что здесь, – он стукнул себя в грудь рукой, – все одно!

– Ладно, пойдемте уже, – Мария Прохоровна толкнула дверь, – вам же улетать сегодня после обеда. Надо еще такси заказать.

В кабинете Игорь Федорович сел за свой дубовый массивный стол, оглядел его идеально ровную поверхность и включил компьютер. На экране монитора появился символ «Виндовс».

Затем он открыл кожаный ежедневник и написал:

«Совет директоров! 17.00. Казань!»

Немного подумав, добавил:

«Председатель совета – Игорь Федорович Небалуев».

Внимательно перечитал свою фамилию, улыбнулся:

«Да уж, со мной не забалуешь! И фамилия такая – Небалуев. Все верно, как специально выбрали».

Зашла Мария Прохоровна, застучала чашками. Разлила горячий чай, поставила на гостевой стол пиалку с конфетами. В кабинете сразу стало как-то уютнее. Игорь Федорович поднялся из-за стола и отправился пить чай.

– Мария Прохоровна, а вы мне такси хотели заказать в аэропорт? – спросил он, разворачивая «Мишку на Севере».

– Да, Игорь Федорович, так же решили.

– Может, лучше на аэроэкспрессе, а? А то пробки эти. Москва все-таки. А это ведь мой первый совет директоров в жизни! Тут лучше перестраховаться.

– Ну вы уж решите, а я переиграю все, если надо.

Он задумался, покусал губы, снял очки с толстыми линзами, положил на стол.

– Давайте лучше экспресс, Мария Прохоровна, а то, знаете ли...

– Как скажете, Игорь Федорович. Экспресс так экспресс.

– Я же у вас «Скорая помощь»! Никогда не опаздываю! – он хотел засмеяться, но лишь закашлялся. Вытер лоб носовым платком. – Да, не опаздываю!

– Хорошо, как скажете, – и помощница удалилась.

В поезде он все время поглядывал на часы. Времени было достаточно, чтобы успеть на самолет, однако без особого запаса. Ну и не так, чтобы впритык, хотя и не разгуляешься особо.

«Надо бы было заранее выехать все-таки. Лучше вчера. За сутки! Все-таки первый мой совет, и я его открываю», – думал он, но тут же ловил себя на мысли, что причин нервничать нет, и он все рассчитал, чтобы быть на месте вовремя.

Пейзаж за окном особо не менялся. В основном – деревья, провода и редкие замерзшие водоемы. Игорь Федорович задремал, а когда очнулся, то понял, что поезд уже подъезжает к аэропорту. Голос из динамиков деловито и вежливо предлагал пассажирам готовиться к выходу.

Игорь Федорович открыл сумку и еще раз все проверил. Хотя делал это уже многократно. Все было на месте. Он твердо решил бежать вперед, как только остановится поезд, чтобы не терять ни минуты и как можно быстрее попасть на самолет. Его сердце застучало, ускорилось, сбиваясь от волнения. Стало тяжело дышать. Вдруг он понял, что хочет в туалет. Видимо, от чая. Да, точно от чая. Он же много его выпил, пока говорил с Марией Прохоровной. Не следовало столько пить. Тут же должен быть туалет, в поезде-то? Есть еще пара минут, как раз сэкономит их в аэропорту.

Он бросился в конец вагона, но туалета не нашел. Пробежал весь следующий вагон. А потом еще один, пока не добрался до самого конца поезда. Там, сбоку, у выхода он увидел маленькую кабинку туалета. Открыв дверь, юркнул туда. Закрыл замок. Справил нужду.

«Хорошо, полетчало. И время сэкономил. Пару минут, а все же!» – думал он, застегивая ширинку.

Повернул ручку замка, толкнул дверь. Но та не сдвинулась с места. Он повертел ручку в разные стороны – замок щелкал, но дверь не открывалась. Он повторил попытку. Тщетно. Стал толкать дверь плечом, аж напрыгивая на нее. Но та не поддавалась. Он ударил ее ногой, но лишь ушиб палец.

Поезд тем временем остановился. Люди начали выходить на перрон.

Игорь Федорович почувствовал себя в полном одиночестве. В пустоте. Он стал кричать, но в вагоне уже никого не было.

Он кричал снова и снова.

Смотрел на часы.

Время бежало.

Он стал биться в двери что было сил. А потом почувствовал боль в сердце – такую острую, словно кто-то всадил в его сердце иглу. Крики давались ему все тяжелее, и он уже скорее хрипел, чем кричал.

В вагон стали заходить люди. Он слышал их шаги и голоса. Кто-то громко смеялся. Кто-то о чем-то спорил. Кто-то просто молчал, и он слышал это молчание. Затем кто-то стал ковырять чем-то в замке туалета, стучать кулаком по двери.

Но Игорь Федорович сам уже ничего не говорил – он просто наблюдал и слушал. Ему нравилось слушать тишину, а до остального ему уже не было дела. Только сердце болело все сильнее.

Потом дверь открылась – перед ним стоял испуганный проводник с бледным молодым лицом, слегка тронутым щетиной. Тонкие губы его подрагивали, ресницы часто хлопали, а зрачки хаотично бегали.

– «Скорая помощь»! Нужна «Скорая помощь»! – закричал проводник и куда-то скрылся.

Вокруг Игоря Федоровича толпились люди.

Он лежал в проходе вагона. Молодой парень делал ему искусственное дыхание, всё обращаясь к кому-то:

– «Скорая помощь»! Срочно вызовите «Скорую помощь»! И дай бог, чтобы она не опоздала.

«„Скорая помощь“... – думал Игорь Федорович, – успеет или нет... Даже интересно посмотреть. – Его веки слипались, дыхание учащалось, а руки начинали остывать. – Хотя какое это имеет теперь значение?» Первый раз в жизни он никуда не спешил, первый раз в жизни ему было все равно. Первый раз в жизни он отдыхал...

Коленки

Машина вошла в поворот на большой скорости, едва не задев бордюр краем колеса. Пассажир, сидящий на заднем сиденье, качнулся в сторону, чудом не ударившись о боковое стекло двери. Затем он схватился обеими руками за уши, похожие на восьмерки, словно проверяя, на месте ли они, и прокричал тонким голосом:

- Степан, мать твою! Да так ведь и убить можно! Шумахер мне тоже.
- Извините, Петр Васильевич. Не рассчитал.
- Ладно, прощаю в этот раз! Но смотри мне. Еще раз и...

Испуганный Степан глупо улыбался и зачем-то держался пальцами за карман рубашки, словно искал там сигарету или зажигалку. Острый его кадык ходил то вверх, то вниз, будто Степан пытался что-то проглотить и у него не получалось.

- Спасибо вам, – еле выдавил он из себя. – Добрый вы...

Услышав это, пассажир заметно повеселел и хлопнул водителя по плечу, словно тот был давним его приятелем.

- Да ладно, Степка. Я – обычный... – И, выдержав небольшую паузу, добавил: – Как все...
- Не как все! Вы – другой. Вы – добрый, Петр Васильевич!
- Добрый... Пожалуй, – во весь рот улыбнулся пассажир и посмотрел в окно.

Машина проехала рядом с большим белым храмом, украшенным позолоченными куполами. Солнечный свет отражался от них и слепил глаза пассажиру. Он прикрыл их рукой, поморщился и чихнул.

- погоди, Степан, тормозни! – сказал он, вытирая нос рукавом рубашки.
- К отцу Виктору? – повернувшись вполоборота, спросил Степан.
- К нему самому. Благословиться хочу!
- Дело хорошее. Дело нужное!

Машина свернула на обочину. Пассажир вышел, отряхнул штаны и направился в сторону храма. Водитель, облокотившись на капот нового «Мерседеса», закурил.

– Бог в помощь! – сказал молодой бородатый священник, как только увидел Петра Васильевича. – Всегда рады вас видеть в нашем храме!

- Да я мимо проезжал. Дай, думаю, загляну к отцу Виктору. За благословением.
- На дела добрые? – усмехнулся священник.

– В том числе, – отвел взгляд в сторону Петр Васильевич, протягивая к священнику сложенные лодочкой ладони.

– Это дело хорошее, – священник перекрестил ладони Петра Васильевича, а потом протянул ему руку для поцелуя, – дело нужное.

– Я тут по поводу пожертвований... – поцеловав руку, шепнул на ухо священнику Петр Васильевич. – Есть у меня идея неплохая, где денег взять.

Лицо отца Виктора стало сосредоточенным и серьезным. Одной рукой он поглаживал мохнатую бороду, другую – положил на плечо прихожанина, постукивая пальцами по его массивному плечу. Рот священника немного приоткрылся, словно он хотел зевнуть, но не смог.

– Ну, в общем, если выгорит, то, думаю, деньги скоро будут, – сказав это, Петр Васильевич затряс в воздухе указательным пальцем, словно отчитывая священника.

- Понимаю, – задумчиво отвечал тот. – Понимаю...
- Ну, мне пора... – посмотрел в сторону выхода Петр Васильевич.

Священник перекрестил его и сказал:

- Добрый вы человек, Петр Васильевич! А Бог добрых людей любит.

На лице Петра Васильевича появилась вполне живая улыбка, растянувшаяся от одного уха до другого.

– Добрый... Пожалуй. А вообще, я такой, как все! – сказав это, он махнул ладонью над головой, словно отдавая честь священнику, и вышел из храма.

Собеседование на должность помощницы руководителя было назначено на десять утра. Петр Васильевич едва успевал к этому времени из-за посещения храма. Поэтому он позвонил своей действующей помощнице и дал соответствующие распоряжения:

– Тамара Ивановна, скажите ей, чтобы в коридоре посидела. Я задержусь минут на двадцать!

В трубке послышался голос пожилой женщины. Выдержанный и монотонный.

– Нет-нет, я в храм заехал. По поводу финансирования вопросы обсудили... – Петр Васильевич затряс головой и провел ладонью по почти уже лысой голове. – А в фонд поддержки памятников культуры после обеда поеду.

Женщина что-то ответила, выдерживая паузы и не спеша проговаривая каждое слово.

– Ну что значит – не берегу себя? На том свете отдыхать буду! А пока – дел неувпроворот. некогда отдыхать. В общем, скажите ей, чтобы посидела у входа.

Маша пришла немного раньше времени и села в коридоре. Осмотрелась. Все вокруг нее выглядело очень стильно – стеклянные кабинеты, пластиковые столы, от поверхности которых отражались утренние лучи солнца, снующие вокруг красиво одетые люди. Все внушало надежду, и Маше очень хотелось получить работу именно в этом месте – со стабильной зарплатой и карьерным ростом. Компания входила в десятку крупнейших финансовых организаций Москвы. Рядом с ней оказался немолодой мужчина в очках – лысоватый и полноватый. В общем, мало симпатичный.

– Вы – Маша? – внезапно спросил он.

– Да, а что? – Маша привстала и поправила длинную юбку.

– Заходите! – тонким голосом распорядился мужчина и исчез в кабинете. Маша зашла внутрь просторной комнаты и села напротив мужчины. Провела рукой по своей стильной челке. Занервничала.

Петр Васильевич внимательно осмотрел Машу, иногда поглаживая дужку очков, словно проверяя, на месте ли они. Перед ним сидела высокая молодая девушка, блондинка. У нее были длинные ровные ноги с хорошими коленками и очень доброе милое лицо. Голубые крупные глаза и родинка на правой щеке гармонично завершали красивый женский образ. Петр Васильевич спросил:

– А вы кем работали до этого?

– Помощницей, – скромно ответила девушка и посмотрела на руки руководителя. Указательный палец его часто-часто стучал по столу.

– А до этого?

– Психологом, с детьми работала.

Начальник снял очки, словно услышал что-то для себя очень важное. Почесал мясистую шею.

– А что за дети?

– Да разные... – Маша отвела взгляд в сторону. – Просто дети, с проблемами. Я им помогала, чем могла.

– То есть добрые дела делали? – оживился Петр Васильевич.

– Да нет, работа такая была. Детский психолог.

– Ну мало ли работ... – сбивчиво начал Петр Васильевич. – Кто-то вон на панель идет, а кто-то добрые дела вершит. Он снова уставился на коленки Маши и мелко заморгал.

В дверь постучали. Через мгновение в кабинете появилась голова помощницы.

– Извините, срочный вопрос, Петр Васильевич. Деньги куда переводим в итоге?

– Какие деньги?! – громко переспросил начальник, откинувшись в кресле и перебросил одну ногу через другую.

- Ну те, что на день рождения вам собрали... – негромко сказала помощница.
- Ах, эти, – он выдержал паузу, повертел карандаш. – Эти в общество поддержки памятников. Хотя... давай половину туда только. А по поводу другой – решу к вечеру.
- Хорошо, – голова помощницы исчезла.
- Извините, – тихо сказала Маша. – А вы что, свои деньги переводите в какие-то общества?
- Да так, иногда.
- Вы хороший человек! Извините... – на Машиных щеках появился румянец.
- Я-то? Хороший? Да я обычный... – на лице Петра Васильевича мелькнула знакомая улыбка.

Кандидатуру Маши утвердили. На работу она вышла через неделю. Приступила к ней со свойственным ей рвением. Ей хотелось доказать, что ее взяли не зря, что она справится с работой и начальник будет доволен своим выбором. И даже где-то в глубине души надеялась, что скоро ее повысят.

Несмотря на свою не совсем приятную внешность, Петр Васильевич был симпатичен Маше. Правда, исключительно как человек. Помимо основной своей работы, он взял на себя дополнительные обязанности. Например, он лично отслеживал, как компания относится к беременным и уже родившим сотрудницам, проверял, нет ли каких-нибудь нарушений со стороны компании в отношении женщины. Все ли ведется по правилам. Когда он находил какой-нибудь недочет, то сразу же доносил о нем руководству. А по пятницам даже читал лекции для будущих мам компании:

– Милые дамы, вы должны себя чувствовать защищенно и уверенно. Запомните! Ваши дети – наши будущие сотрудники! И если мы не позаботимся о них, то кто же?

В этот момент женщины аплодировали, случайно оказавшиеся рядом мужчины недовольно фыркали, а молодая, мечтавшая родить Маша аккуратно записывала в свой блокнот слова начальника.

И все бы ничего, а на самом деле совсем даже хорошо было, если бы не произошло то, чего Маша так боялась. А именно – начальник вызвал ее в кабинет после работы, когда она, уже сложив вещи, собиралась домой.

– Маша, я тут столик заказал в одном ресторане, – начальник сильно нервничал, и от него пахло спиртным. – Хотел, чтобы мы поужинали вместе.

– Но мне домой надо, Петр Васильевич, меня ждут уже. Извините...

– Слушай, да мы недолго. По салатику, ну и винца там по бокалу. Мне с тобой надо поговорить. – Юркие маленькие зрочки начальника бегали в разные стороны, не зная, где им остановиться, пока не нашли коленки Маши.

– Хорошо, – неуверенно ответила она.

Ресторан оказался недалеко от офиса – несколько уютных кабинок и аргентинская еда. Петр Васильевич сразу же заказал бутылку вина. Сам разлил его по бокалам и предложил тост:

– Ну, за хороших людей! – Он нагнулся к Маше и продолжил: – За тебя и меня!

– Неловко как-то, Петр Васильевич, – смутилась Маша.

– Да ладно, неловко ей, – он залпом выпил свой бокал. Налил еще. – Нам, хорошим людям, тоже отдыхать надо. Расслабляться, так сказать. А ты пей давай, что смотришь на вино-то?

Маша выпила. Начальник сразу же наполнил ее бокал. До краев.

– Ну, за нас! – он выпил, не дожидаясь ответа Маши. Его крупная голова покачивалась на массивной шее из стороны в сторону.

Принесли еду – пару стейков и специальный соус. А к еде – еще одну бутылку вина. Она так же быстро кончилась, как и первая. Маша почувствовала, что пьяна. Внезапно начальник наклонился к ней:

– Поехали ко мне, Маша! – она ощутила горячую ладонь на своей коленке.

– Я не могу, извините, – Маша попыталась убрать руку, но начальник сжал свои цепкие пальцы.

– Ну что ты ломаешься. Дай хоть за коленку подержаться.

– Я не могу, у меня муж есть, Петр Васильевич.

– Да и я не один, Маша, но это нормально. Мы люди взрослые...

– Пустите коленку...

– Не пущу! Нравятся мне твои коленки!

Маша резко встала и направилась к выходу. За спиной она услышала глухой кашель начальника. Прокашлявшись, он грязно выругался.

Утром следующего дня Маша старалась не показываться на глаза начальнику. Ей было одновременно и стыдно, и обидно за то, что все так вышло. Но она не жалела о своем решении ни на миг. Петр Васильевич же, напротив, выглядел свежо и резво, словно и не пил вовсе. Делал всем вокруг комплименты, включая и Машу.

«Забудется, – мелькнуло у нее в голове, – видимо, выпил лишнего. Мужики, они такие – напьются и приставать начинают». Но не забылось – история повторилась через месяц. Подвыпивший начальник прислал Маше эсэмэску из ресторана, в которой попросил Машу срочно к нему приехать. Получив сообщение, Маша какое-то время поколебалась, но все же решилась. Терять работу она не хотела, а с начальником надеялась справиться.

Петр Васильевич сидел за одним из столиков, по правую сторону от входа. Маша незаметно подошла и остановилась в паре метров, решив понаблюдать за начальником, пока он ее не заметит. Тот был в джинсах, плотно подпирающих его живот и обтягивающих полные короткие ноги. Казалось, джинсы были на размер меньше нужного. Белая дорогая рубашка тоже была заужена, а одна из перламутровых ее пуговиц расстегнута, и Маша разглядела голый волосатый живот начальника. Петр Васильевич с кем-то жарко спорил:

– Именно, именно туда надо деньги переводить, в общество восстановления памятников! Хотя можно часть и в музей... – он тяжело задышал, покрылся испариной. – Да, в музей, пожалуй, даже лучше!

На другой стороне провода раздался голос пожилой женщины. Он был медленным и монотонным.

– Да мне плевать, что они скажут. Пусть берут, что есть! А то я им ничего вообще не дам! – взволнованно прокричал Петр Васильевич и хлопнул по столу. Маша вздрогнула и облокотилась рукой о край соседнего стола. Он отъехал чуть в сторону, издав неприятный звук. Начальник повернулся в сторону Маши.

– Ах, ты тут уже, ну садись давай! – улыбчиво сказал он.

Маша села на свободный стул.

– Думал, ты позже будешь, – начальник поспешно стал разливать вино по бокалам. При чем в Машин налил больше, чем в свой.

– Я на метро, – сбивчиво ответила Маша. – Тут близко.

Взгляд начальника скользнул по Машиным коленкам. Он придвинулся со своим стулом к ней поближе.

– А я тут делами занимаюсь, деньги отправляю, – он отпил из бокала, почесал затылок, – хорошими делами, так сказать. Ну надо, чтобы хоть кто-то... ну ты понимаешь.

– Я вас очень за это уважаю, – Маша незаметно отодвинула свой стул в сторону, подальше от начальника, – как человека... доброго и понимающего.

Пьяный начальник уже не отрывал свой взгляд от ее коленок.

– Ну а добро, Маша, оно ведь тоже подпитки требует. Не все же мне запросто так его творить. Должна же и отдача быть! – он сурово посмотрел на Машу. – От добра-то этого, – его правая рука опустилась на Машину коленку.

– Ну не надо, прошу вас, не надо Петр Васильевич.

– А почему не надо? Мы с тобой люди свои, должны получше знать друг друга, – он впился своими пухлыми пальцами в коленку Маши, слегка ее сдавив.

– Да больно же, – Маша столкнула его руку и встала.

– А ну сидеть! Я же столько для вас всех делаю! А ты мне еще указывать будешь?!

– До свидания, Петр Васильевич! – Маша направилась к выходу.

– А ну стоять! Добро же, оно...

Маша так и не услышала, что сказал начальник. Она вышла на улицу, отключила телефон, спустилась в метро и поехала домой.

Утро следующего дня началось как ни в чем не бывало. Петр Васильевич густо раздавал Маше распоряжения, а та едва поспевала их выполнять. От вчерашней встречи с начальником побаливала голова. Маша сильно перенервничала. Все-таки был риск потерять работу. Но ничего – все обошлось. Словно и не было ужасного вчерашнего вечера в ресторане.

Через месяц Маша забеременела. Но как сказать об этом начальнику – не знала. Все искала удобного случая, пока он сам не подвернулся совершенно случайно. Маша даже не планировала, все получилось само собой.

– Напоследок, дорогие женщины, я еще раз хочу вам напомнить: беременность – это дар. И ее не надо скрывать, прятать, так сказать, от работодателя, – он выставил перед собой ладонь правой руки и медленно поднял ее над головой. – Вас никто за это не накажет, не поругает, а уж тем более – не уволит!

Сказав это, Петр Васильевич, попросил Машу составить список сотрудниц – будущих мам. Свою фамилию Маша незаметно написала в конце мелким шрифтом. Через час ее вызвал начальник.

– Ты что это себя записала?! – крутил он перед собой список, вглядываясь в каждую фамилию. – Я же велел только мам будущих!

– А я и есть будущая мама, – набравшись сил, заявила Маша. – Да, мама! Уже как месяц.

Петр Васильевич откинулся на стуле, согнул в руках карандаш так, что тот чуть не сломался, и нервно отрезал:

– А как же так? То есть я не совсем понял. Ты же моя... – он встал с кресла и стал ходить по комнате из стороны в сторону. – Я как-то рассчитывал, что...

– Я замужем, Петр Васильевич, – перебила его Маша.

– Да-да, конечно. Но все же... Я думал...

Через полгода Маша ушла в декретный отпуск. Еще через два месяца родила мальчика. Прошло еще время, и ей позвонили из отдела кадров. Попросили забрать документы, уволив ее задним числом. Проходя по коридору, она встретила Петра Васильевича, но он с ней даже не поздоровался. В его кабинете сидела молодая длинноногая секретарша с красивыми коленками. Говорят, что Петр Васильевич взялся дополнительно вести еще один курс для будущих мам...

Гепатит

В обед он почувствовал легкую боль в правом подреберье. Присел на диван в гостиной, медленно и глубоко подышал. Такое случалось с ним и раньше, но боль обычно быстро проходила, буквально за несколько минут. Но в этот раз неприятные ощущения сохранялись гораздо дольше.

Казалось, боль и не думает прекращаться. Он потихоньку поднялся, прошел на кухню, заварил травяного чая для улучшения пищеварения. Положил в кружку ложку меда. Размешал.

На кухню зашла жена, худая невысокая женщина с кудрявыми рыжеватыми волосами. В руках она держала увесистую книгу. На белой глянцевой обложке он увидел рисунок, изображающий человеческое сердце, больше похожее на вытянутый продолговатый мяч, из которого торчали разнообразные трубки. Он поморщился, тряхнул головой и спросил:

– Что это?

– Чего? – удивилась жена, уставившись на его чашку. – Чем это тут пахнет?

– Чай это, травяной! Для печени... для пищеварения то есть.

– А что у тебя с печенью? Болит, что ли?

– Да что-то ноет... – он провел ладонью по правому боку живота, там, где должна была находиться печень. – Побаливает как-то...

– Пил бы ты меньше. Не побаливала бы! – жена положила перед собой книгу, открыла на странице, заложившей открыткой.

– Так что это? Ты так и не сказала! – он попытался перевести разговор с неприятной для него темы.

– Энциклопедию медицинскую нашла в шкафу. Надо матери отвезти. А то валяется тут без дела. Пыль только собирает.

Он оживился, глотнул приторного чая, вытер вспотевший лоб.

– А что там про печень-то пишут? От чего болеть может? – он потянулся к энциклопедии, но жена отодвинула книгу.

– Сама посмотри! Так... печень, – под ее длинными музыкальными пальцами зашуршали страницы, – ну вот! Гепатиты в основном – А, В, С, D и еще какие-то есть... Но эти четыре – основные вроде.

При слове «гепатит» он насторожился. Оно показалось ему очень неприятным, пугающим, олицетворяющим неминуемые сложности. Он подумал про наркоманов, которые часто болеют гепатитом. Еще вспомнил, что смотрел одну передачу, где рассказывали, как многие люди заразились гепатитом при переливании крови. От этих воспоминаний в подреберье вновь закололо.

– А как он передается, гепатит-то этот? – не выдержал он.

– Так... пути передачи. Тут целая глава про это... По-разному они все передаются!

– Дай посмотри! – Он дотянулся до книги и резко придвинул ее к себе. Жена от неожиданности отпрянула в сторону.

– Не пугай так! – проговорила она, не сразу приходя в себя. – Сказал бы, я бы и так тебе ее дала.

Он жадно перелистывал страницы, пытаясь найти нужную главу. Супруга смотрела на него испуганным взглядом, не понимая, что происходит. Дойдя до нужной страницы, он остановился:

– Так... при переливании крови... так... при повторном использовании медицинских приборов... так... – он похолодел, крупные пальцы его мелко и часто забарабанили по столу. – Так... и еще отдельно выделяют... половой способ передачи, значит, – еле договорил он, словно язык его заостенел и перестал слушаться.

– Ну и что?

– А вдруг я того...

– Чего того?

– Ну, гепатитом болен?

– Да что ты! – наивно улыбнулась жена. – Ты бы желтым уже был давно. Скажешь тоже ерунду!

– А вот тут пишут, что не обязательно. Что желтеют только в период обострения. А вообще – есть этот, как его, Це, так он вообще как СПИД, а то и хуже. Ласковый убийца! Вот!

– Какой-какой?

– Ласковый! – он вновь устремил свой взор на страницы книги и стал жадно ее читать. – Вот-вот... почти не проявляет себя никак. Вот-вот!

– И что ты хочешь сказать? – теперь жена удивилась по-настоящему.

– Что хочу сказать? Пока не знаю, но вдруг я того! – Он пальцем показал себе на печень. – Ну, гепатитом этим *того* уже.

– Каким еще гепатитом? – жена явно начала раздражаться.

– Це! – вскрикнул муж. – Ласковым убийцей! Самым опасным!

– О боже! Ну, ты и придумаешь. Бред какой! – Она встала и, подойдя к плите, помешала кипящие в кастрюле пельмени.

– А что? Почему нет? У меня вон печень болит опять!

– Ну, сходи анализы сдай, – жена уменьшила газ. – Чтоб не думать лишнего и не накручивать себя.

– Анализы?

При слове «анализы» ему подурнело. Он вдруг представил, как получает их результаты. Как напротив графы «гепатит С» стоит слово «положительно». Как у него начинает кружиться голова и из глаз градом льются слезы. Как его, бледного и обессиленного, ведут в кабинет к доктору, а тот говорит, что люди живут и не с этим. А потом этот же доктор рассказывает про своего дальнего родственника, у которого тоже нашли гепатит С, и приговаривает:

– И что? С тех пор только здоровее стал. Не пьет и не курит вообще! И жена не нарядуется! А так ведь... спивался человек.

Потом он падает в обморок, а доктор, перетащив на кушетку его безжизненное тело, подносит к носу нашатырь. А потом...

– Да анализы сходи сдай, если сомнения мучают, – повторила жена, сливая воду из кастрюли с пельменями. – А то надумаешь всякой ерунды вечно... И меня своими страхами пугаешь!

– Анализы?

– Да, анализы!

– Надо подумать... – он закрыл медицинскую книгу и отодвинул ее в сторону. Прикрыл рукой правый бок, тяжело выдохнул. – Надо подумать... да...

Мысль о непонятно откуда взявшемся гепатите мучила его еще несколько недель. Он судорожно перебирал варианты возможного заражения. Но, кроме полового, ничего в голову не приходило. Была у него одна связь... до женитьбы. И связь эта теперь не давала ему покоя. Вернее, воспоминания о ней...

«Ну неужели Машка... – думал он. – Точно, Машка. Она же тогда не только со мной спала. А еще не пойми с кем. И с наркоманами могла ведь! А у них почти у всех гепатит этот. От иглы!»

От подобных мыслей пропадал сон, и он мучился почти до самого утра, стараясь найти объяснения всему произошедшему с ним. Затем саднило чувство вины, и он представлял, как все будет объяснять жене. А после – ее родителям: что, оказывается, испортил он жизнь не только себе, но и их дочери. Под утро он незаметно засыпал, иногда вздрагивая.

Но шло время. И все это постепенно забывалось. И лишь слово «гепатит», иногда появляющееся перед глазами в различных средствах массовой информации, ненадолго возвращало его к былым мучениям. Так пролетело несколько месяцев.

В один из дней к ним приехала его мама – посидеть с внучкой, маленькой черноволосой девочкой лет пяти. Мама привезла в подарок несколько банок красной икры. Он уговорил ее остаться переночевать. Ему хотелось поговорить с ней – он давно ее не видел и успел соскучиться. Вечером на кухне они пили чай, закусывая миндальными печеньями. Неожиданно мама поинтересовалась:

- Как ты себя чувствуешь?
- В смысле? – удивляясь вопросу, он приподнял свои густые брови.
- Ну здоровье как у тебя?
- Да так... – он вдруг вспомнил про печень.
- А что такое? – Мать, испугавшись, положила ему руку на плечо. – Болит что?
- Да печень пошаливает... иногда. Так... – он махнул рукой в пустоту коридора.

Мать дотянулась до сумки, стоящей на соседней табуретке, достала помятую записочку, надела очки.

- Это что такое? – не понял он.
- Телефон... женщины одной. Целительницы!
- Да ну их! Ерунда все это!

Мать поправила очки, крупной ладонью провела по маслянистым губам, взяла бутерброд с икрой.

– Зря ты так... мощная она, – мать откусила от бутерброда. На стол упало несколько мелких икринок. Одна из них закатилась под край сахарницы.

– Да ерунда это... мошенники они!

– Она у нас одному деду гепатит вылечила! Без лекарств! Грибами какими-то, китайскими. Ей прям самолетом возят. Оттуда.

При слове «гепатит» он вздрогнул. В горле у него запершило, сильно захотелось пить. Он сделал несколько глотков остывшего сладкого чая.

– А что за гепатит-то у него был? – Он встал и заходил по комнате.

– Да кто его знает! Не помню я. Буква какая-то.

– Не С ли?

– Да я что, помню?.. – Она взяла в руки нож, отрезала кусок мягкого утреннего батона. Намазала на него толстым слоем масло. Положила на край икринку из-под сахарницы.

– Может В? – не успокаивался он.

– Да не помню я! Какая разница?!

– Ну да, никакой... – Он подошел к окну, посмотрел на улицу, освещенную тусклыми фонарями. Затем повернулся к матери и спросил: – Так что у нее там за телефон? И как ее, кстати, звать?

Ее звали Эллой. Она жила на окраине Москвы, почти рядом со МКАД. Дверь ее квартиры была обшита потертой кожей, порезанной в нескольких местах. Кнопки звонка не было, поэтому он постучал. Дверь открылась.

На пороге стояла тощая седая женщина с собранными в пучок волосами, заколотыми длинной металлической булавкой черного цвета. Она была в старых спортивных штанах с вытянутыми коленками. На темной ее кофте выделялись четыре красные буквы – СССР. Увидев гостей, женщина широко улыбнулась.

– Мы от Максимовны, я вам звонил на днях, – неохотно начал он, – меня зовут Евгений, а это Вера, – он показал на свою жену, стоявшую чуть позади него.

– Да-да, помню. Заходите. Я – Элла, – женщина отошла в сторону, окончательно освободив вход в квартиру.

Гости зашли. В коридоре сильно пахло кошками. Вдоль стен стояли чем-то набитые мешки из грубой ткани. Некоторые были приоткрыты, и Евгений попытался в них заглянуть.

– В них морковь! – опережая взгляд и возможный вопрос Евгения, заявила она.

– Так много... Куда столько-то?

– Пройдемте! – Элла пошла вдоль темного коридора и повернула в одну из комнат. Гости последовали за ней.

Комната была большой и просторной. Правую стену занимала старая советская стенка, поцарапанная у основания, вдоль левой были сложены многочисленные обручи разных размеров, в углу лежал большой, немного приспущенный зеленый мяч. В метре от балкона стоял маленький письменный стол, рядом с ним – табуретка. Напротив стола расположились два деревянных стула с высокими спинками. Элла села на табуретку, указав пальцем в сторону стульев.

– Присаживайтесь, – сказала она и достала из тумбочки стола согнутую пополам металлическую спицу. На одном из ее концов виднелся маленький деревянный шарик.

– А это что? – не выдержал Евгений, усаживаясь на стул поудобнее.

– Это антенна! – Элла вытянула губы трубочкой и подула на странный предмет. Шарик задрожал.

– А для чего она? – спросила Вера.

– Сейчас узнаете! – Элла прикрыла глаза, вытянула правую руку вперед, направив конец спицы с шариком на Евгения. – На что жалуетесь?

Евгений, рассматривая не столько хозяйку квартиры, сколько ее загадочный прибор, тихо произнес:

– Печень немного волнует... побаливает, – сказав это, он вцепился глазами в шарик на конце спицы и покраснел. Элла сразу же направила свой магический прибор в область печени Евгения. Тот внезапно завертелся, словно включенный вентилятор. Евгений от неожиданности ахнул.

– Тихо! – рявкнула Элла. – Сидеть! Уже вижу их!

– Кого? – Евгений несколько раз сглотнул и схватил Веру за руку.

– Вирусы! Немало их у тебя... насобирал ты!

– А что за вирусы хоть? – не выдержала уже довольно напуганная Вера.

– Гепатит у него! Запущенный уже!

– Какой? – вскочив на ноги, буквально завыл от ужаса Евгений.

– По-моему, Це!

В этот момент сознание Евгения стало как будто прерываться. Он то улыбался, то сжимал губы, то вдруг морщился и мычал непонятные фразы. Иногда ему чудились воспоминания из детства, как он собирает маленькие дыни у бабушки в огороде. А потом эти дыни превращаются в печени, по которым ползают гигантские желтые муравьи. Он повернулся к Вере, и та увидела, как на его глаза навернулись слезы. Она вытащила из кармана носовой платок и стала их вытирать.

– Говорил же... ведь я знал... Це... ласковый убийца... – заикаясь, произносил Евгений. – Це этот. Он самый опасный! Хуже СПИДа.

Элла открыла тумбочку стола, бросила туда спицу с шариком и, достав несколько небольших стеклянных банок, завернутых крышками, сказала:

– Вылечим! Что это он так напугался?!

– Он мнительный, – пояснила Вера.

– А... предупреждать надо. В общем, гепатит – это дело несложное. Но надо еще будет морковного сока попить.

– Сколько? – приходя в себя, промычал Евгений. – Пить сколько?

– Ну хоть по литру в день. Месяц. Ну и этих грибов китайских, – она потрясла в руках баночки с темной жидкостью, – их тоже надо пару курсов пропить. А потом ко мне опять!

– Я пропью, я все пропью! – дрожащим голосом ответил Евгений. – А жить я буду? То есть сколько мне осталось? Я и Веру, наверное, тоже заразил?

– Посмотрим...

Элла снова достала свой прибор и направила его в сторону Веры. Тот опять завертелся, правда с меньшей силой, чем раньше. Длинная тонкая спица с шариком описывала круги вокруг своей оси. Элла прищурилась, наблюдая за движениями прибора:

– Тоже есть. Но немного. Ей, думаю, одного курса хватит. Грибов. А морковку пусть тоже пьет. Она печень ей прочистит.

– Тоже есть? – удивленно спросила Вера, не веря словам целительницы. – А что есть-то?

– Ну как что?! Вирусы!

Китайских грибов пришлось купить почти на все деньги, что были. В общем, грибы оказались дорогими. Даже очень. За морковкой заехали на рынок. Купили два мешка. Их должно было хватить примерно на две недели. По дороге домой приобрели соковыжималку по кредитной карте. Все наличные ушли на грибы и морковку.

– Да не верю я ей! – не выдержала Вера.

– Да ты что?! Видела, как она с ходу мой гепатит вычислила. Просто уникам какой-то!

– Да ты же ей сам про печень сказал!

– Ничего я такого не говорил. Просто сказал, что побаливает, и все!

– Так она сразу поняла, куда копать!

– Я думаю, что ты просто напугана нашим гепатитом. Поэтому злишься. Но Элла нас вылечит. Грибами китайскими.

– Мы и так кучу денег за эти грибы отдали! – не унималась Вера.

– А ты как думала? Гепатит-то вылечить? Он вообще не лечится, этот Це! Убийца этот ласковый. Так бы и померли с тобой, если бы не Элла. Хорошо, что мать приехала!

– Я схожу и сдам анализы!

– Не вздумай! Она же точно все увидела. Пропьем грибы для начала. Заглушим его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.